

АЛЬБЕРТО
ВАСКЕС-ФИГЕРОА

70 книг. Переведено на 30 языков. 9 экранизаций.
35 миллионов читателей. Самый известный роман –
«Туарег» – выдержал 80 изданий по всему миру.

ТУАРЕГ

Альберто Васкес-Фигероа

Туарег

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2316645

Туарег: Рунд Классик; М.; 2011

ISBN 978-5-386-03283-8

Аннотация

Его зовут Гасель Сайях. Его империя – пустыня. Он – властитель страны, простирающейся от Атласских гор до берегов Чада. Он – один из последних великих воинов неукротимых имохагов, которых все прочие смертные знают под именем туарегов.

Однажды двое, старик и юноша, появились у порога его хаймы. И он, соблюдая тысячелетние традиции пустыни, приютил путников.

Но он не смог защитить их. Люди в пыльной солдатской форме преступили закон. Они убили мальчишку и увели старика.

Гасель Сайях помнит главную заповедь туарегов: твой гость находится под твоей защитой. Поэтому он должен отомстить...

Перед вами самый известный, самый издаваемый во всем мире роман самого читаемого испаноязычного автора современности Альберто Васкеса-Фигероа.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

93

Альберто Васкес-Фигероа

Туарег

Моему отцу посвящается

Аллах велик, хвала Ему.

Много лет тому назад, когда я был молод и ноги сами целыми днями носили меня по песку и камням, не чувствуя усталости, случилось так, что однажды мне сказали, что заболел мой младший брат. И хотя его и мою хайму¹ разделяли три дня пути, любовь к нему взяла верх над моей ленью, и я бесстрашно пустился в путь, поскольку, как уже сказал, был молод и силен и ничто не смущало мой дух.

Наступил вечер второго дня, когда я очутился среди высоких-превысоких барханов, в половине дня пути от могилы Сантона Омара Ибрагима. Я взобрался на один из них, надеясь увидеть какое-нибудь жилье, чтобы напроситься на ночлег. Однако так ничего и не увидел и потому решил остановиться и переночевать прямо там, укрывшись от ветра.

Луна, должно быть, взошла очень высоко – раз уж, на мою беду, Аллаху не было угодно, чтобы та ночь была безлунной, – когда меня разбудил такой нечеловеческий крик, что я обмер и сжался от ужаса в комок.

Лежу, значит, ни жив ни мертв, и тут этот жуткий вой раз-

¹ Шатер. – *Примеч. ред.*

дается вновь, а следом такой поток жалоб и стенаний, что, подумалось мне, не иначе, как какой-то душе, мучающейся в аду, удалось с криком вырваться из-под земли.

И тут вдруг, чувствую, кто-то скребется в песке. Вскоре перестали, потом заскребли в другом месте, и так, по очереди, этот шум донесся до меня из пяти или шести мест. Раздирающие душу вопли все не смолкали, а страх так и держал меня в оцепенении и трепете.

Злоключения мои на том не закончились, ибо в какое-то мгновение я ощутил чье-то тяжелое дыхание, мне швырнули в лицо горсти песка, и да простят меня мои предки, если я признаюсь, что испытал такой жуткий страх, от которого вскочил и пустился наутек, словно за мной гнался сам Шайтан², демон, побитый камнями. И получилось так, что ноги мои не останавливались до тех пор, пока меня не осветило солнце, а за моей спиной не осталось ни следа от высоких барханов.

Добрался я, значит, до жилища моего брата, и тут Аллаху было угодно, чтобы он почувствовал себя гораздо лучше, а потому смог выслушать рассказ о моих ночных ужасах. И когда я описывал их, сидя у очага – вот как сейчас описываю вам, – один сосед растолковал мне, что это было, и поведал о том, о чем когда-то поведал ему его отец.

И вот что он сказал:

– Аллах велик. Хвала Ему.

² Шайтан, Иблис – в исламе злой дух, демон, дьявол. – *Примеч. ред.*

Случилось так – а было это много лет тому назад, – что два могущественных семейства – Зайеды и Атманы – до такой степени возненавидели друг друга, что кровь и одних, и других проливалась столько раз, что ею можно было выкрасить их одежды и даже скот до конца дней. И вот когда погиб последний – молодой Атман, – его семья возжаждала отмщения.

А тут как раз среди барханов, где ты заночевал, недалеко от могилы Сантона Омара Ибрагима, стояла хайма Зайедов. Правда, все мужчины в ней уже умерли, остались только мать с сыном, которые жили в спокойствии, поскольку даже в этих семьях, питавших друг к другу такую ненависть, нападать на женщину по-прежнему считалось недостойным.

И все же вышло так, что однажды ночью явились их враги и, связав бедную мать, которая стонала и плакала, унесли с собой малыша, намереваясь живьем закопать его в один из барханов.

Крепкими были веревки, но ведь известно, что нет ничего сильнее материнской любви, поэтому женщина сумела их разорвать. Однако, когда она выбралась наружу, вокруг уже не было ни души, и ее взору предстала только бесконечная череда высоких барханов. Она стала метаться от одного к другому, копая песок то тут, то там, издавая стоны и зовя своего сына, зная, что он вот-вот задохнется и только она может его спасти. За этим занятием застал ее рассвет.

Так продолжалось один день, и другой, и третий, ибо Ми-

лосердный Аллах ниспослал ей безумие, дабы она меньше страдала, не осознавая, сколько злобы существует в людях.

И больше об этой несчастной женщине не было никаких известий. Говорят, будто ночью дух ее бродит по барханам недалеко от могилы Сантона Омара Ибрагима и все так же ищет и стонет. Верно, так и есть, коли ты, пребывавший в неведении, заночевав там, встретился с нею.

Хвала Милосердному Аллаху, который позволил тебе остаться невредимым и продолжить свой путь, за то, что сейчас ты находишься здесь с нами, у очага.

Хвала Ему.

Завершив свой рассказ, старик глубоко вздохнул и, повернувшись к самым молодым, которые впервые слушали древнюю повесть, добавил:

– Видите, ненависть и раздоры между семьями не приводят ни к чему иному, как к страху, безумию и смерти, и правда то, что за многие годы, в течение которых я сражался вместе со своими против наших давних северных врагов – Ибн-Азизов, я так и не увидел ничего хорошего, что послужило бы тому оправданием, ибо в ответ на разбой с одной стороны следует разбой с другой. Погибших ведь не вернешь, они лишь влекут за собой новые смерти, и в хаймах не остается сильных рук, а дети вырастают, так и не услышав отцовского голоса.

Несколько минут никто не произносил ни слова: необходимо было обдумать поучение, содержавшееся в истории,

только что рассказанной старым Суилемом. Было бы неправильно тут же забыть его, поскольку тогда не стоило и беспокоить столь уважаемого человека, укоротившего время своего сна и обременившего себя ради слушателей.

Наконец Гасель, который уже не раз слышал старинное предание, жестом показал, что всем пора спать, а сам, как у него было заведено по вечерам, пошел проверить, собран ли скот, выполнили ли рабы его указания, почивает ли мирно семья и все ли в порядке в его небольшой «империи», включавшей в себя четыре шатра из верблюжьих шкур, полдюжины шериб, сплетенных из тростника, колодец, девять пальм, горстку коз и верблюдов.

Затем он не спеша поднялся на высокую и твердую дюну, защищавшую его лагерь от восточных ветров, и осмотрел при свете луны остальные пределы своей «империи»: бесконечное пространство пустыни, в которой он, Гасель Сайях, был безраздельным властителем, будучи единственным обосновавшимся там имохагом³, да к тому же хозяином единственного известного колодца.

Ему нравилось садиться на вершину дюны и возносить благодарность Аллаху за тысячи милостей, которыми тот часто осыпал его голову. За то, что ниспослал ему замечательную семью, рабы здоровы, со скотиной все в порядке, пальмы плодоносят, а самое главное – что позволил ему родиться среди благородных воинов могучего народа Кель-Тальги-

³ Имохаги (туареги) – народ, живущий в пустыне Сахара. – *Примеч. ред.*

мус, «Народа Покрывала», неукротимых имохагов, которых все прочие смертные знали под именем туарегов.

На юге, востоке, севере или западе ничего не было. Ничего, что могло бы ограничить власть Гаселя Охотника, мало-помалу удалившегося от населенных пунктов, чтобы обосноваться в самом дальнем краю пустыни, там, где он мог остаться наедине со своими дикими животными: быстроногими аддаксами⁴, которые по несколько дней осматриваются на равнине, муффонами⁵ с высоких гор, напоминающими острова среди необъятных морей песка, дикими ослами, кабанами, газелями и бесчисленными стаями перелетных птиц.

Гасель бежал от наступающей цивилизации, от власти захватчиков и от хладнокровного истребления животных пустыни. Всей Сахаре было известно гостеприимство Гаселя Сайяха, не имевшее себе равных от Томбукту⁶ до берегов Нила, хотя караваны работорговцев и «безумных охотников», отважившихся проникнуть на его территорию, обычно ждал самый яростный прием.

– Отец учил меня, – говорил он, – убивать не больше одной газели, пускай даже стадо убежит и потом придется за ним гнаться трое суток. Я-то восстанавливаю силы за три дня

⁴ Африканская антилопа семейства полорогих. – *Примеч. ред.*

⁵ Жвачное парнокопытное животное рода баранов. – *Примеч. ред.*

⁶ Город в Республике Мали (Западная Африка) в 13 км к северу от реки Нигер. – *Примеч. ред.*

пути, а вот жизнь напрасно загубленной газели уже не вернуть.

Гасель явился свидетелем того, как французы истребили антилоп на севере, муфлонов – на большей части Атласских гор и прекрасных аддаксов – в хамаде⁷, на другой стороне большой секии, которая тысячи лет назад была полноводной рекой. Вот поэтому он и облюбовал себе край каменистых равнин, бескрайних песков и прорезающих небо гор в четырнадцать дней пути от Эль-Акаба⁸, потому что никто, кроме него, не претендовал на самые суровые земли самой суровой из пустынь.

Канули в вечность славные времена, когда туареги нападали на караваны или с улюлюканьем атаковали французских военных. Миновали также дни разбоя, сражений и смерти, когда они вихрем носились по равнине, гордясь тем, что их называют бандитами пустыни и хозяевами песков Сахары, с юга Атласских гор до берегов Чада. Забылись братоубийственные войны и набеги, о которых старики сохранили приятные и далекие воспоминания. Наступили годы заката расы имохагов, потому что кое-кто из ее самых отважных воинов стал водить грузовики, работая на французского хозяина, служить в регулярной армии или продавать ткани и сандалии туристам в рубашках кричащих расцветок.

⁷ Хамада, гамада (араб.) – название каменистых пустынь в Сахаре, распространенных на плато, сложенных плотными породами. – *Примеч. ред.*

⁸ Город в Иордании. – *Примеч. ред.*

В тот день, когда двоюродный брат Гаселя Сулейман покинул пустыню, чтобы жить в городе, день-деньской перевозить кирпич, перепачкавшись в цементе и известке, в обмен на деньги, он понял, что должен бежать и стать последним туарегом-одиночкой.

Так он оказался здесь, а с ним и его семья. Тысячу и один раз Гасель благодарил Аллаха, ибо за все эти годы, которым он уже даже потерял счет, не было такой ночи – там, в одиночестве на вершине его дюны, – когда бы он пожалел о принятом решении.

За это время в мире успели произойти странные события: благодаря редким путникам, до него доходили весьма неопределенные слухи, и он радовался, что не наблюдал этого вблизи, поскольку запоздавшие вести говорили о смерти и войне, о ненависти и голоде, о больших переменах, протекавших с каждым разом все быстрее. Переменах, которые, похоже, никому не приносили удовлетворения и не сулили ничего хорошего.

Однажды ночью, когда Гасель сидел на этом же месте, созерцая звезды, которые столько раз указывали ему путь, он вдруг обнаружил новую – мерцающую и быструю, бороздившую небо решительно и настойчиво: ничего похожего на сумасшедший стремительный полет блуждающих звезд, внезапно падающих в никуда. Впервые в жизни у него от ужаса застыла в жилах кровь, ибо ни в его памяти, ни в памяти предков, ни в преданиях или легендах не существовало ни-

чего, что говорило бы о такой звезде, которая ночь за ночью возвращалась, следуя по одному и тому же пути. В последующие годы к ней присоединилось еще и множество других – прямо-таки свора гончих, явившихся, дабы нарушить вековой покой небес.

Что это могло значить, он так и не выяснил. Ни он, ни старик Суилем – отец почти всех рабов, такой старый, что еще дед Гаселя купил его уже взрослым мужчиной в Сенегале:

– Никогда звезды не бегали, как сумасшедшие, по небесам, хозяин, – сказал он. – Никогда. Это может означать, что наступает конец веков.

Гасель спросил об этом одного путешественника, который не смог дать ему ответа. Он спросил второго, который неуверенно предположил:

– Думаю, это дело рук французов.

Но он не согласился, поскольку, хотя был и наслышан о достижениях французов, не считал их настолько безумными, чтобы тратить время на то, чтобы еще больше заполнить небо звездами.

– Должно быть, это какой-то божественный знак, – сказал он себе. – Таким способом Аллах хочет указать нам на что-то, но... на что?

Он попытался отыскать ответ в Коране, однако там не содержалось упоминания о звездах, пронесившихся по математически заданной траектории. Со временем он привык к ним и к их перемещению, но это вовсе не означало, что он

О них забыл.

В прозрачном воздухе пустыни, во тьме, царившей на земле — на сотни километров вокруг ни единого огонька, — создавалось впечатление, что звезды спускаются и падают, чуть ли не касаясь песка, и Гасель часто протягивал руку, словно и впрямь мог коснуться мигающих огней кончиками пальцев.

Вот так он долгое время проводил наедине со своими мыслями, а затем не спеша спускался вниз, чтобы в последний раз взглянуть на скотину, на лагерь и удалиться на покой, убедившись в том, что его маленькому миру не угрожают ни голодные гиены, ни хитрые шакалы.

У входа в свой шатер, самый большой и удобный в лагере, он на несколько мгновений останавливался и прислушивался. Если не завывал ветер, тишина становилась такой плотной, что даже давила на уши.

Гасель любил эту тишину.

Каждое утро старик Суилем или кто-нибудь из его внуков седлал любимого дромадера⁹ своего хозяина, имохага Гаселя, и оставлял у входа в его шатер.

Каждое утро туарег брал винтовку, садился верхом на своего белого длинноногого мехари¹⁰ и отправлялся на все четыре стороны в поисках добычи.

⁹ Одногорбый верблюды. — *Примеч. ред.*

¹⁰ Порода быстрогоногого верблюда-дромедера. — *Примеч. ред.*

Гасель любил своего белого дромадера, как только житель пустыни способен любить животное, от которого зачастую зависит его жизнь, и тайком, когда никто не мог его услышать, разговаривал с ним вслух, словно тот его понимал, в шутку называя Р'Ораб (Ворон), намекая на его белейшую шерсть, нередко сливавшуюся с песком, когда на фоне бархана верблюд становился невидимым.

Не было мехари быстрее и выносливее по эту сторону Таманрассет¹¹. Один богатый торговец, хозяин каравана в триста голов, предлагал за него Гаселю пять верблюдов на его выбор, но он не согласился.

Гасель знал, что, если когда-нибудь по какой-либо причине во время очередного из его одиночных странствований с ним что-то случится, Р'Ораб окажется единственным верблюдом на свете, способным доставить его обратно в лагерь самой темной ночью.

Он нередко засыпал, убаюканный покачиванием в седле и смиренный усталостью. Семья не раз находила его у входа в хайму и укладывала в постель.

Французы утверждали, что верблюды – животные глупые, жестокие, мстительные и подчиняются только крикам и ударам. Однако настоящему имохагу было известно, что хороший дромадер пустыни, особенно если это чистокровный мехари, да еще ухоженный и обученный, может оказаться таким же сообразительным и верным, как собака, и конечно

¹¹ Самая большая по территории вилайя (провинция) Алжира. – *Примеч. ред.*

же в тысячу раз более полезным в краю песка и ветра.

Французы относились одинаково ко всем дромадерам в любое время года, не понимая, что в период течки животные становятся раздражительными и опасными, особенно если с восточными ветрами жара усиливается. Вот поэтому французы никогда не были хорошими всадниками пустыни и не смогли покорить туарегов, которые в эпоху столкновений и набегов всегда наносили им поражение, несмотря на превосходство противника в численности и вооружении.

И лишь когда французы захватили оазисы и колодцы, укрепили своими пушками и пулеметами немногочисленные водопой на равнине, свободным и непокорным всадникам, «Детям Ветра», пришлось сдаться тому, что испокон веков было их врагом: жажде.

Однако французы не испытывали гордости, одержав победу над Народом Покрывала, потому что на самом деле им не удалось победить их в открытой войне. Их сенегальские негры, грузовики и даже их танки оказались бесполезными в пустыне, где от края до края господствовали туареги с их мехари.

Туареги были немногочисленны и разрозненны, тогда как солдаты прибывали из метрополии или колоний, точно полчища саранчи. Настал такой день, когда в Сахаре без разрешения Франции не могли попить ни верблюд, ни мужчина, ни женщина, ни ребенок.

В тот день имохаги, которые устали смотреть, как умира-

ют их семьи, сложили оружие.

С того момента они были народом, приговоренным к забвению, нацией, у которой не было никакого смысла существования, поскольку исчезло то, что составляло смысл ее существования, – война и свобода.

Оставались еще отдельные семьи, такие как семья Гаселя, затерявшиеся в просторах пустыни, но это были уже не группы гордых и полных собственного достоинства воинов, а мужчины, которые сохранили мятежность духа, зная наперед, что им никогда больше не быть грозным «Народом Покрывала», «Меча» или «Копья».

И все-таки имохаги по-прежнему являлись хозяевами пустыни от хамады до эрга¹² или до высоких гор, которые хлестал ветер, потому что настоящая пустыня – это не разбросанные по ней колодцы, а те тысячи квадратных километров, которые простираются вокруг них. Вдали же от воды не существовало французов, сенегальцев аскари¹³, даже бедуинов, ибо эти последние, тоже будучи знатоками песчаных и каменистых пустынь, передвигались только известными путями, от колодца к колодцу, от селения к селению, страшась неизвестности больших расстояний.

Лишь туареги, в особенности туареги-одиночки, не испытывали страха перед «пустой землей» – той, которая была всего лишь белым пятном на карте. Там в знойный полдень

¹² Арабское название песчаных массивов Северной Африки. – *Примеч. ред.*

¹³ Солдаты-туземцы в колониальных войсках. – *Примеч. ред.*

от жары вскипала кровь, не рос и самый неприхотливый из кустарников, и даже перелетные птицы огибали эти места, пролетая на высоте несколько сотен метров.

Гасель дважды за свою жизнь пересек одно из пятен «пустой земли». Первый раз это было вызовом: он хотел доказать, что является достойным потомком легендарного Турки; а второй – уже будучи мужчиной, хотел доказать самому себе, что по-прежнему остался тем же Гаселем, который был способен рискнуть жизнью в юношеские годы.

Ад солнца и жары, пекло, где впору впасть в отчаяние и сойти с ума, странным образом завораживали Гаселя. Это притяжение возникло однажды вечером, много лет назад, когда он впервые услышал у очага рассказ о великом караване и его семистах участниках и двух тысячах верблюдов, проглоченных «белым пятном». В итоге ни один человек или животное так никогда и не вернулись обратно.

Караван направлялся из Гао¹⁴ в Триполи¹⁵ и считался самым большим караваном, когда-либо снаряженным богатыми купцами-хауссами. Вели его самые опытные знатоки пустыни, а специально отобранные мехари везли на себе целое состояние: слоновую кость, эбеновое дерево, золото и драгоценные камни.

Один дальний родственник Гаселя, от которого ему досталось в наследство имя, охранял его со своими людьми –

¹⁴ Город в Республике Мали. – *Примеч. ред.*

¹⁵ Столица Ливии. – *Примеч. ред.*

и тоже сгинул, будто его никогда на свете и не было.

Много было тех, кто в последующие годы пускался в безрассудную авантюру – на поиски следов каравана в тщетной надежде завладеть сокровищами, которые, согласно неписаному закону, принадлежат тому, кто способен отнять их у песков. Однако пустыня ревниво хранила свой секрет. Песку ничего не стоит взять и засыпать целиком города, крепости, оазисы, людей и верблюдов. Должно быть, неожиданно-негаданно он с силой налетел, подхваченный своим союзником – ветром, и обрушился на путников, захватив их в плен и превратив в еще один бархан среди миллионов барханов эрга.

Никто не мог сказать, сколько людей погибло впоследствии, увлекшись мечтой о легендарном пропавшем караване. Старики не уставали внушать молодым, чтобы те отказались от столь безумной затеи.

– То, что пустыня берет себе, принадлежит ей, – говорили они. – Да хранит того Аллах, кто попытается отнять у нее ее добычу...

Гаселю страшно хотелось всего лишь раскрыть эту тайну – узнать, по какой причине бесследно исчезло столько животных и людей. Когда он впервые оказался в сердце одной из «пустых земель», то понял это, ибо можно было себе представить, как в сей горизонтальной бездне легко растворились бы не то что семьсот – семь миллионов человеческих существ. Было бы странно, если бы хоть кто-то выбрался оттуда живым.

Гасель выбрался. Дважды. Однако имохагов, подобных ему, было немного. Поэтому «Народ Покрывала» уважал Гаселя, одинокого «Охотника», имохара, господствовавшего на территории, на которую никто больше и не претендовал.

Они появились возле его хаймы однажды утром. Старик находился на самом пороге смерти, а юноша, который два дня перед этим тащил его на спине, смог лишь прошептать несколько слов, прежде чем упал без чувств.

Гасель приказал, чтобы для них приготовили лучший из шатров. Его рабы и дети ухаживали за ними день и ночь, отчаянно сражаясь за то, чтобы, вопреки всякой логике, они остались в мире живых. Без верблюдов, без воды, без проводников, не принадлежа ни к одному из племен пустыни — просто чудо Небес, что им удалось выжить, притом что в последние дни дул тяжелый и удушающий сирокко¹⁶.

Путники, как он понял, больше недели бесцельно блуждали среди барханов и камней. Они не могли сказать, откуда пришли, кто они такие и куда держали путь. Словно вдруг свалились с одной из бегущих звезд. Гасель навещал их утром и вечером, заинтригованный их городским видом, их одеждой, столь не подходящей для странствования по пустыне, и теми фразами, которые они произносили во сне на таком чистом арабском языке, что расшифровать их туарегу было не по силам.

¹⁶ Сильный южный или юго-западный ветер. — *Примеч. ред.*

Наконец на исходе третьего дня очнулся юноша, который тут же поинтересовался, далеко ли еще до границы.

Гасель взглянул на него с удивлением.

– Границы? – повторил он. – Какой границы? Пустыня не имеет границ... По крайней мере, ни одной, мне известной.

– И все же, – настаивал тот, – должна существовать граница. Она где-то здесь...

– Французам не нужны границы, – заметил Гасель. – Они и так господствуют во всей Сахаре, от края до края.

Незнакомец приподнялся на локте и посмотрел на него с изумлением.

– Французам? – переспросил он. – Французы уже несколько лет, как ушли... Теперь мы независимы, – добавил он. – Пустыня образована свободными и независимыми странами. Ты что, этого не знал?

Гасель на несколько секунд задумался. Кто-то однажды говорил ему, что где-то на севере разгорается война, в которой арабы намереваются скинуть иго руми¹⁷, однако он не придавал этому факту особого значения, поскольку война разгоралась еще с тех времен, которые помнил его дед. Для него быть независимым означало в одиночку бродить по своей территории, к тому же никто не потрудился прийти и сообщить ему, что теперь он принадлежит новой стране.

Туарег отрицательно помотал головой.

– Нет. Не знал, – признался он смущенно. – И что суще-

¹⁷ Европейцы (язык туарегов). – Примеч. ред.

ствует граница – тоже. Кто способен прочертить границу в пустыне? Кто помешает ветру переносить песок с одной стороны на другую? Кто помешает людям ее пересечь?

– Солдаты.

Гасель изумленно посмотрел на гостя:

– Солдаты? В мире не найдется столько солдат, сколько нужно для охраны границы в пустыне... Да и солдаты ее боятся. – Он слегка улыбнулся под покрывалом, скрывавшим его лицо, которое он никогда не показывал чужим людям. – Лишь мы, имохаги, не боимся пустыни. Здесь солдаты – все равно что пролитая вода: их поглотит песок.

Молодой человек хотел что-то сказать, но туарег заметил, что тот утомился, и заставил его откинуться на подушки.

– Не напрягайся, – попросил он. – Ты слаб. Завтра поговорим, и, возможно, твой друг будет чувствовать себя лучше. – Он оглянулся на старика, и впервые заметил, что тот не так стар, как показалось ему вначале, хотя волосы его были белы и редки, а лицо избородили глубокие морщины. – Кто он такой? – поинтересовался он.

Несколько секунд юноша колебался. Прикрыл глаза и тихо проговорил:

– Ученый. Изучает историю наших самых далеких предков. Мы направлялись в Даджьбадель, но наш грузовик сломался.

– Даджьбадель находится очень далеко... – заметил Гасель, но юноша уже погрузился в глубокий сон. – Далеко-да-

леко на юге... Я до него так и не добрался.

Он бесшумно вышел и, оказавшись на воздухе, испытал ощущение пустоты в желудке, что-то вроде предчувствия, которое раньше никогда его не охватывало. Что-то в этих двух мужчинах, безобидных с виду, вызывало тревогу. Они не были вооружены, их облик тоже не внушал каких-либо опасений, однако вокруг них веяло страхом, и вот этот самый страх он и уловил.

«Изучает историю наших предков...» – сказал юноша, однако лицо его спутника носило на себе печать такого глубокого страдания, которая не могла появиться за одну неделю голода и жажды в пустыне.

Гасель посмотрел в сторону надвигающейся ночи и попытался найти в ней ответы на свои вопросы. Душа туарега и тысячелетние традиции пустыни кричали ему, что он поступил правильно, предоставив путникам свой кров, ибо гостеприимство было первой заповедью неписаного закона имохов. Но инстинкт человека, привыкшего действовать по наитию, и шестое чувство, не раз спасавшее его от смерти, шептали, что он играет с огнем и что пришельцы подвергают опасности покой, который стоил ему стольких усилий.

Рядом с ним появилась Лейла. Он обрадовался ее присутствию, любуясь дивной юной красотой темнокожей женщины-девочки, ставшей его женой вопреки мнению стариков, которые считали неправильным, что имохар столь знатного рода сочетается законным браком с представительни-

цей презираемой касты рабов акли.

Она присела рядом, посмотрела на него в упор своими огромными черными глазами, всегда полными жизни и внутреннего света, и мягко спросила:

– Тебя беспокоят эти люди, правда?

– Не они... – задумчиво ответил он. – А то, что их сопровождает, словно тень или запах.

– Они прибыли издалека. А все, что приходит издалека, выводит тебя из равновесия, потому что моя бабка предсказала, что ты умрешь не в пустыне. – Она робко протянула руку и коснулась его руки. – Моя бабка часто ошибалась, – добавила она. – Когда я родилась, она предсказала мне печальное будущее, а я вот вышла замуж за знатного человека, почти за принца.

Он ласково улыбнулся:

– Я помню, как ты родилась. Это было не больше пятнадцати лет назад... Твое будущее еще и не начиналось...

Его огорчило, что он ее расстроил, ведь он ее любил, и хотя имохагу не пристало быть излишне ласковым в обращении с женщинами, она была матерью самого младшего из его сыновей. Поэтому он в свою очередь раскрыл ладонь и взял ее руку в свою.

– Наверно, ты права, и старая Кальсум ошибалась, – проговорил он. – Никто не может заставить меня покинуть пустыню и умереть вдали от нее.

Они долгое время сидели молча, созерцая ночь, и он по-

чувствовал, как его вновь охватило чувство покоя.

Что правда, то правда: негритянка Кальсум за год предсказала болезнь, которая унесла в могилу его отца. Предсказала она и великую засуху, которая истощила колодцы, оставила пустыню без пучка травы и уморила жаждой сотни животных, с рождения привыкших к жажде и засухе. Впрочем, правдой было и то, что старая рабыня часто просто молола языком, а ее видения больше смахивали на измышления дряхлого ума, чем на настоящие предсказания.

– Что находится по другую сторону пустыни? – спросила Лейла после долгого молчания. – Я никогда не была дальше гор Хуэйлы.

– Люди, – прозвучало в ответ. – Много людей. – Гасель задумался, вспоминая, что он видел в Эль-Акаб и северных оазисах, и неодобрительно покачал головой. – Им нравится сбиваться в кучу на небольшом пространстве или в тесных и вонючих домах. Они кричат и шумят без причины, воруя и обманывая друг друга. Они – словно скот, который может жить только в стаде.

– Почему?

Ему хотелось бы ответить, потому что восхищение, которое испытывала к нему Лейла, вызывало у него гордость, однако он не знал ответа. Он был имохагом, который родился и вырос в уединении огромных пустых пространств, и, как он ни пытался, у него в голове не укладывалась мысль о добровольном желании людей сбиваться в стадо, к которому, судя

по всему, проявляли склонность мужчины и женщины других племен.

Гасель с удовольствием принимал гостей и любил, когда все собирались вокруг очага, чтобы рассказывать старые истории и обсуждать мелкие происшествия повседневной жизни. Но затем, когда огонь прогорал и черный верблюд, привозивший на своем хребте сон, неслышно и невидимо пересекал лагерь, каждый удалялся в свой отдельно стоявший шатер – жить своей жизнью, глубоко дышать, наслаждаться тишиной.

В Сахаре у каждого человека есть время, покой и обстановка, необходимые для того, чтобы найти самого себя, смотреть вдаль или внутрь себя, изучать окружающую природу и размышлять обо всем, что узнаешь из священных книг. А там, в городах, селениях и даже в крошечных берберских деревушках, нет ни покоя, ни времени, ни пространства. Там можно ошалеть от шума и чужих проблем, голосов и ссор посторонних людей. Создается впечатление, будто то, что происходит с другими, гораздо важнее того, что может происходить с тобой.

– Не знаю... – неохотно признался он в итоге. – Я так и не смог выяснить, почему им нравится так поступать: сбиваться в толпу и жить, завися друг от друга. Не знаю... – повторил он. – Я не встречал человека, которому это было бы доподлинно известно.

Девушка долго смотрела на него. Возможно, ее удивило,

что у человека, который был центром ее жизни и у которого она научилась всему, что стоило знать, не нашлось ответа на один из ее вопросов. Сколько она себя помнила, Гасель был для нее всем: сначала хозяином, на которого девочка из расы рабов акли взирала почти как на божество, абсолютно-го повелителя ее жизни и имущества, повелителя жизни ее родителей, ее братьев, их животных и всего сущего в ее вселенной.

Затем он стал мужчиной, который однажды, когда она достигла половой зрелости и у нее появились первые месячные, сделал ее женщиной: позвал в свой шатер и овладел, заставив стонать от удовольствия, как — она слышала по ночам, когда дул западный ветер, — стонали другие рабыни, и наконец стал возлюбленным, который в считанные мгновения переносил ее в рай. Настоящим повелителем, еще в большей степени, чем когда был хозяином, ибо теперь он также владел и ее душой, и ее желаниями, вплоть до самого сокровенного и забытого из ее инстинктов.

Она не сразу заговорила, а когда было собралась что-то сказать, ее прервал старший сына мужа, прибежавший из самой дальней шеробы.

— Верблюдица собралась рожать, отец, — сказал он. — А поблизости рыщут шакалы...

Он понял, что призраки его страхов обретают плоть, когда заметил на горизонте столб пыли: он поднимался вверх и

надолго застывал в воздухе, поскольку в полдень на равнине нельзя было уловить ни малейшего дуновения ветерка. Машины – ибо, судя по скорости, с которой они приближались, это были механические средства передвижения – оставляли после себя в прозрачном воздухе пустыни грязный след дыма и земли.

Затем возникло слабое жужжание моторов, позже превратившееся в рев, распугавший вяхирей¹⁸, фенеков¹⁹ и змей и завершившийся визгом тормозов, раздраженными голосами и громкими командами. Машины остановились, взметая за собой пыль и грязь, в каких-нибудь пятнадцати метрах от лагеря.

При их появлении замерла жизнь и всякое движение. Взгляд туарега, его жены, его детей, его рабов и даже его животных был прикован к столбу пыли и темно-бурым механическим чудовищам. Малыши и животные в испуге попятились, в то время как рабыни бросились прятаться в глубине шатров – подальше от чужих глаз.

Гасель не спеша выступил вперед, закрыв лицо покрывалом – отличительным знаком его положения знатного имохага, уважающего свои традиции, и остановился на полпути между пришельцами и самой большой хаймой, словно желая сказать без слов, что им не следует двигаться дальше, пока

¹⁸ Птица семейства голубей. – *Примеч. ред.*

¹⁹ Миниатюрная лисица своеобразной внешности, которая живет в пустынях Северной Африки. – *Примеч. ред.*

он не даст своего разрешения и не примет их как гостей.

Первым делом он обратил внимание на грязносерый цвет солдатской формы, покрытой потом и пылью, металлический блеск ошетилившихся винтовок и пулеметов и резкий запах, исходивший от ботинок и ременного снаряжения. Затем его взгляд с недоумением остановился на рослом человеке в синей хайке и растрепанном тюрбане. Он узнал в нем Мубаррака бен-Сада, имохага, принадлежавшего к «Народу Копья», одного из самых опытных и добросовестных следопытов пустыни, почти столь же знаменитого в здешних краях, как сам Гасель Сайях, Охотник.

– *Метулем, метулем,* – поприветствовал он.

– *Аселама алейкум,* – ответил Мубаррак. – Мы разыскиваем двоих мужчин... Двоих чужаков...

– Они мои гости, – невозмутимо ответил он, – и им нездоровится.

Офицер, который, судя по всему, командовал отрядом, сделал несколько шагов вперед. На его обшлагае блеснули звезды, когда он протянул руку, чтобы отстранить туарега, однако тот жестом остановил его, преградив путь к лагерю.

– Они мои гости, – повторил он.

Офицер взглянул на него с недоумением, словно не понимая, о чем он ему толкует, и тут Гасель догадался, что этот человек не из пустыни: его жесты и манеры говорили о далеких мирах и городах.

Он повернулся к Мубарраку, и тот все понял, потому что

перевел взгляд на офицера.

– Гостеприимство для нас священо, – пояснил он. – Этот закон древнее Корана.

Военный со звездами на обшлагах несколько секунд постоял в нерешительности, словно не веря, что ему предлагают столь абсурдное объяснение, и вознамерился продолжить путь.

– Я представляю здесь закон, – отрезал он. – И другого закона не существует.

Он уже миновал Гаселя, когда тот с силой схватил его за предплечье и заставил обернуться и посмотреть себе в глаза.

– Традиция существует тысячу лет, а ты – всего лишь пятьдесят, – отрывисто проговорил туарег. – Оставь в покое моих гостей!

По знаку военного щелкнули затворы десятка винтовок. Туарег увидел, что дула нацелены ему в грудь, и понял, что всякое сопротивление бесполезно. Офицер резким движением отстранил вцепившуюся в него руку и, вынув пистолет из кобуры, висевшей на поясе, направился дальше – к самому большому шатру.

Он исчез в нем, и через минуту раздался выстрел. Офицер вышел и махнул солдатам, которые побежали к нему. Потом они появились вновь, таща за собой старика, который тряс головой и тихо плакал, словно после долгого сладостного сна очнулся в жестокой действительности.

Они прошли мимо Гаселя и взобрались в грузовик. Сев

в кабину, офицер сурово взглянул на него и несколько секунд колебался. Гасель уже начал опасаться, что предсказание старой Кальсум не исполнится и его убьют прямо здесь, посреди равнины, но тот наконец подал знак водителю, и грузовики отбыли в том же направлении, откуда приехали.

Мубаррак, имохаг из «Народа Копья», вспрыгнул в последнюю машину, и его глаза неотрывно смотрели на туарега, пока того не заслонило облако пыли. Ему хватило этих секунд, чтобы уловить, что происходило в уме Гаселя, и он почувствовал страх. Нехорошо унижать имохара из «Народа Покрывала». Ему это было известно. Нехорошо унижать его и оставлять в живых.

Однако убивать его и развязывать войну между братскими племенами тоже нельзя. У Гаселя Сайяха есть друзья и родственники, которым пришлось бы вступить в схватку – кровью отомстить за кровь того, кто всего лишь попытался заставить уважать древние законы пустыни.

Гасель стоял не шелохнувшись, глядя в сторону удалявшегося конвоя, пока пыль и шум окончательно не рассеялись вдали. Затем медленно направился к большой хайме, перед которой уже столпились его дети, жена и рабы. Еще перед тем, как войти, он знал, что там увидит. Молодой человек лежал на том же самом месте, где он его оставил после беседы, с закрытыми глазами: смерть настигла его во сне. На лбу у него появился небольшой красный кружок. Он долго смотрел на убитого со скорбью и яростью, а затем позвал Су-

илема.

– Похорони его, – попросил он. – И подготовь моего верблюда.

Впервые в жизни Суилем не выполнил приказ хозяина – и спустя час вошел в шатер и бросился к его ногам, норовя поцеловать сандалии.

– Не делай этого! – взмолился он. – Ты ничего не добьешься.

Гасель с досадой отодвинул ногу.

– Ты считаешь, что я должен терпеть подобное оскорбление? – хрипло спросил он. – Считаешь, что я буду по-прежнему жить в мире с самим собой, позволив убить одного из моих гостей и увести другого?

– А что еще тебе оставалось делать? – возразил тот. – Тебя бы убили.

– Я это знаю. Зато теперь я могу отомстить за оскорбление.

– И чего ты этим добьешься? – не унимался негр. – Вернешь мертвому жизнь?

– Нет. Но я напомню им, что нельзя безнаказанно оскорблять имохага. Вот в чем разница между людьми твоей расы и моей, Суилем. Вы, акли, сносите оскорбления и гнет, вас устраивает рабское положение. У вас это в крови, от отцов к детям, из поколения в поколение. И вы всегда будете рабами. – Он сделал паузу и задумчиво провел рукой по длинной сабле, которую извлек из сундука, в котором хранил свои са-

мые ценные вещи. — Однако мы, туареги, свободная и воинственная раса, которая осталась такой, потому что никогда не мирилась ни с унижениями, ни с оскорблениями. — Он покачал головой. — А сейчас не время меняться.

— Но их же много, — возразил тот. — И они сильны.

— Верно, — согласился туарег. — Так и должно быть. Только трус дает отпор тому, кто, насколько ему известно, слабее его, потому что такая победа никогда не прибавит ему благородства. И только глупец дерется с равным, потому что в этом случае исход сражения решает лишь чистая случайность. Имохаг, настоящий воин моей расы, всегда должен противостоять тому, кто сильнее его, ибо, если ему улыбнется победа, его усилие окупится тысячу раз, и он сможет продолжить свой путь, гордясь самим собой.

— А если тебя убьют? Что будет с нами?

— Если меня убьют, мой верблюд галопом поскачет прямо в рай, обещанный Аллахом. Ведь написано же, что тому, кто умрет в справедливой битве, обеспечена Вечность.

— Но ты не ответил на мой вопрос, — настаивал негр. — Что будет с нами? С твоими детьми, твоей женой, твоим скотом и твоими слугами?

На лице Гаселя было написано: чему быть, того не миновать.

— Разве я доказал, что могу их защитить? — спросил он. — Раз я позволяю убить одного из своих гостей, может, мне следует примириться с убийством моей семьи? — Он нахло-

нился и властным взмахом руки приказал ему встать. – Иди и подготовь моего верблюда и оружие, – попросил он. – Я отправлюсь на рассвете. Затем ты займешься тем, что снимешь лагерь и увезешь мою семью дальше, в гвельту Хуэйлы, – туда, где умерла моя первая жена.

Наступил рассвет. Его опередил ветер.

Ветер всегда был предвестником зари на равнине, и его ночное завывание, казалось, перерастало в горький плач за час до того, как первый луч света появлялся на небе за скалистыми склонами Хуэйлы.

Он прислушался, разглядывая потолок хаймы, такие знакомые полосы, и тут, будто наяву, перед его глазами возникла картина: шары перекасти-поля, несущиеся по песку и камням, всегда охваченные спешкой, всегда готовые за что-нибудь зацепиться, обрести пристанище, где можно будет найти приют и прекратить свое извечное бесцельное путешествие из одного конца Африки в другой.

С молочным светом зари, пропущенным сквозь фильтр мельчайших рассеянных частиц пыли, шары возникали из ниоткуда, словно привидения, собирающиеся напасть на людей и животных, чтобы тут же исчезнуть – так же, как появились, – канув в бесконечное ничто безграничной пустыни.

«Где-то должна существовать граница. Я уверен...» – сказал он тогда с отчаянной тоской в голосе. И вот теперь он мертв.

Прежде никто не говорил Гаселю о границах, потому что в пределах Сахары их никогда не существовало.

«Какая граница задержала бы песок или ветер?»

Он обратил лицо в сторону ночи и попытался осмыслить случившееся, но не смог. Эти люди не были преступниками, и все же одного из них похоронили, а другого увели неизвестно куда. Никого не следует убивать так хладнокровно, каким бы ни было его преступление.

И тем более спящего, находящегося под защитой и в доме имохара.

Что-то странное было в этой истории, однако Гаселю никак не удалось понять что именно. Одно было ясно: нарушен самый древний закон пустыни, а этого ни один имохаг допустить не мог.

Он вспомнил старую Кальсум, и ледяная рука страха сдавила ему затылок. Затем он склонился над Лейлой: ее открытые бессонные глаза блестели в полутьме, отражая вспышки угасавшего костра, – и почувствовал к ней жалость, к ее неполным пятнадцати годам и к пустым ночам, которые наступят, когда он уедет. А еще почувствовал жалость к себе самому: представив, какими пустыми будут его ночи, когда ее не окажется рядом.

Он погладил ее по волосам и заметил, что она, испытывая благодарность за эту ласку, как это бывает с животными, еще шире распахнула свои огромные глаза испуганной газели.

– Когда ты вернешься? – проговорила она, скорее умоляя,

нежели спрашивая.

Он покачал головой:

– Не знаю. Когда совершу правосудие.

– Что значили эти люди для тебя?

– Ничего, – признался он. – Ничего до вчерашнего дня.

Но дело не в них. Дело не во мне. Тебе этого не понять.

Лейла это понимала, но не стала спорить. Она лишь еще сильнее прижалась к нему, словно ища его силы или его тепла, и протянула руки, в последний раз пытаясь остановить его, когда он поднялся и направился к выходу.

Снаружи все так же тихонько скулил ветер. Было холодно, и он закутался в свою хайке, а по его спине уже стала подниматься неотвратимая дрожь – то ли от холода, то ли от ужасающей пустоты ночи, открывавшейся перед ним. Это было все равно что погрузиться в море черной краски, и не успел он это сделать, как из мрака вынырнул Суилем и протянул ему поводья Р’Ораба.

– Удачи, хозяин, – сказал он и исчез, словно его никогда и не было.

Гасель заставил верблюда опуститься на колени, взобрался на спину и легонько ткнул пяткой в шею.

– Шиа-а-а-а! – приказал он. – Поехали!

Животное недовольно проревело, поднялось на все четыре ноги и замерло на месте, подставив морду ветру, в ожидании.

Туарег развернул его на северо-запад и вновь ткнул пят-

кой, посильнее, чтобы верблюд тронулся с места.

У входа в хайму обозначилась тень – более густая, чем остальные. Более темная. Глаза Лейлы вновь заблестели в ночи, пока всадник и верблюд удалялись, словно подталкиваемые ветром и шарами перекаати-поля.

Ветер всхлипывал все отчаяннее, зная, что скоро явится солнечный свет и его утешит.

День еще не был даже молочным полумраком, он едва позволял различить голову верблюда, но Гаселю большего и не требовалось. Он знал, что на сотни километров вокруг перед ним не возникнет никакого препятствия, а инстинкт обитателя пустыни и умение ориентироваться с закрытыми глазами указывали ему путь даже самой непроглядной ночью.

Такой способностью обладали только он и те, кто, подобно ему, родились и выросли в песках. Как почтовые голуби, как перелетные птицы или киты в самой глубине океана, туареги всегда знали, где находятся и куда направляются, словно некая древняя-преддревняя железа, атрофировавшаяся у остальных людей, по-прежнему оставалась активной и функциональной лишь у них одних.

Север, юг, восток и запад. Колодцы, оазисы, дороги, горы, «пустые земли», нагромождения барханов, каменистые равнины... Казалось, весь необъятный мир Сахары отражался, словно эхо, в глубине мозга Гаселя, а он об этом и не подозревал, не осознавал этого.

Солнце застало его на спине мехари и стало подниматься над головой, постепенно набирая мощь, заставив ветер умолкнуть, землю – распластаться. Солнце уняло песок и кусты перекати-поля, которые уже не носились то в одну, то в другую сторону, извлекло из укрытий ящериц и посадило на землю птиц, которые не отважились летать, когда оно наконец достигло зенита.

Тогда туарег остановил верблюда, заставил его опуститься на колени и воткнул в землю свой длинный меч и старую винтовку, которые вместе с крестовиной седла служили опорной стойкой для незамысловатого крохотного навеса из толстой ткани.

Он укрылся в его тени, прислонил голову к белому боку мехари и задремал.

Разбудил его, щекоча ноздри, самый вожаденный из запахов пустыни. Он открыл глаза и лежал не шелохнувшись, вдыхая воздух, не торопясь взглянуть на небо, опасаясь, что это всего лишь сон, но когда в конце концов повернул голову на запад, то увидел ее: тучу, закрывшую горизонт, большую, темную, многообещающую и полную жизни, непохожую на те, другие: белые, высокие и словно просившие милостыню, – которые время от времени приходили с севера, чтобы пропасть из виду, так и не отважившись заронить хотя бы слабую надежду на дождь.

А эта низкая и сверкающая серая туча, казалось, таила в своем лоне все водные сокровища мира и была, наверное,

самой красивой, какую довелось увидеть Гаселю за последние пятнадцать лет – возможно, с той сильной грозы, которая предшествовала рождению Лейлы. Она-то и заставила бабушку предсказать внучке печальное будущее, потому что в тот раз долгожданная вода обернулась потоком, увлекшим за собой хаймы и скот, уничтожившим посевы и потопившим одну верблюдицу.

Р’Ораб взволнованно заколыхался. Вытянул длинную шею и жадно развернул морду в сторону завесы дождя, которая надвигалась, расщепляя свет и меняя пейзаж. Он нежно проревел, и из его горла раздалось мурлыканье огромного довольного кота. Гасель медленно поднялся, освободил его от упряжи и в свою очередь освободился от одежды, которую тщательно растянул на кустах перекасти-поля, чтобы ей досталось как можно больше воды. А после стоял разутый и нагой, ожидая, когда первые капли усеют песок и землю, покрывая лицо пустыни шрамами, вроде оспин. Затем вода полилась потоками, пьяня его чувства, когда он слышал легкую барабанную дробь, превращавшуюся в грохот, ощущал на коже теплую ласку, пробовал на вкус чистую и прозрачную свежесть и вдыхал вожаденный запах мокрой земли, от которой поднималось густое и будоражащее испарение.

Вот оно, чудесное и животворное соединение: скоро, при солнечном свете того же дня, спящее семя ашеба²⁰ вдруг

²⁰ Сообщество растений-эфемеров, развивающихся в пустыне после дождей. – *Примеч. ред.*

проснется, покроет равнину зеленым ковром и превратит бесплодный пейзаж в самый красивый край. Будет цвести всего лишь несколько дней, чтобы вновь погрузиться в долгий сон – до следующей грозы, которая, возможно, придет еще через пятнадцать лет.

Свободный и дикий ашеб был прекрасен. Он не мог расти на обработанной земле, ни по соседству с колодцем, ни под заботливой рукой крестьянина, который поливал его день за днем. Он, словно дух туарегского народа, один-единственный способен веками сохранять привязанность к нескольким песчаникам и одному каменистому урочищу, от которых остальное человечество давным-давно отказалось.

Вода намочила волосы Гаселя и смыла с его тела грязь нескольких месяцев, а то и лет. Он скоблил кожу ногтями, потом отыскал плоский и ноздреватый камень, которым тер тело, отмечая, как постепенно на коже появляются более светлые участки – по мере того, как отставала корка земли, пота и пыли, а к ногам стекала вода голубого, чуть ли не синего цвета, поскольку грубая краска одежд со временем въелась в каждый сантиметр его тела.

Счастливый и дрожащий, он провел под дождем пару долгих часов, борясь с искушением развернуться и отправиться домой – воспользоваться водой, посеять ячмень, дожидаться урожая и насладиться вместе с домашними этим чудесным подарком, который Аллаху было угодно ему ниспослать, возможно, в качестве предостережения. Может быть, ему сле-

дует остаться здесь, в своем мире, и забыть об оскорблении, которое не смогла бы смыть даже вся вода этой громадной тучи.

Однако Гасель был туарегом – возможно, к несчастью, последним настоящим туарегом равнины, – а посему он прекрасно осознавал, что вовек не забудет того, что под его кровом был убит безоружный человек, а другой, такой же гость, был уведен силой.

Поэтому, когда туча удалилась на юг, а солнце второй половины дня высушило тело и одежду, он вновь оделся, оседлал верблюда и пустился в путь, впервые повернувшись спиной к воде и дождю, жизни и надежде – тому, что всего неделю, всего пару дней назад переполнило бы радостью его сердце и сердца его близких.

Вечером он нашел небольшую дюну и вырыл ямку, разгребая все еще влажный песок, чтобы свернуться калачиком и спать, почти полностью засыпав себя сухим песком, потому что он знал, что после дождя рассвет принесет на равнину холод, а ветер превратит в ледяной иней капли воды, сохранившиеся на камнях и кустах перекасти-поля.

В пустыне разница между максимальной температурой, в полдень, и минимальной, в час, предшествующий рассвету, может достигать более пятидесяти градусов. Гасель по опыту знал, что этому предательскому холоду удастся до костей пробрать забывшегося сном путника, вызвать болезнь и сде-

лать так, что впоследствии его суставы целыми днями будут застывать и ныть, отказываясь живо повиноваться приказам разума.

В каменистом урочище в отрогах Хуэйлы как-то обнаружили троих замерзших охотников. Гасель помнил, как они лежали, прижавшись друг к другу, спаянные смертью в ту холодную зиму, когда туберкулез унес и его маленького Бисру. Казалось, они улыбались. Потом солнце высушило их тела, обезводив и придав жуткий вид их пергаментной коже и блестящим зубам.

Сулова эта земля, где человек может умереть как от жары, так и спустя несколько часов – от холода, где верблюдица несколько дней безуспешно ищет воду – и погибает, захлебнувшись однажды утром.

Сулова эта земля, но между тем Гасель не представлял себе существования в каком-либо ином месте и не променял бы жажду, жару и холод на равнине, не имевшей границ, на удобства любого другого мира – ограниченного и лишённого горизонтов. Каждый день, во время каждой молитвы, повернувшись лицом к востоку, к Мекке, туарег благодарил Аллаха за то, что тот позволил ему жить там, где он жил, и принадлежать к благословенной расе людей «Покрывала», «Копья» или «Меча».

Он заснул, скучая по Лейле, а когда проснулся, упругое тело жены, которое он сжимал в своих снах, превратилось в мягкий песок, утекающий сквозь пальцы.

Плакал ветер в час охотника.

Он посмотрел на звезды, которые сказали ему, как скоро свет сотрет их с небесного свода, окликнул ночь, и в ответ нежно отозвался его мехари, щипавший влажные кустики перекасти-поля. Он оседлал его, вновь пустился в путь и в середине дня различил вдали пять темных пятен, проступавших на каменистой поверхности, — лагерь Мубаррака бен-Сада, имохага «Народа Копья», который привел солдат к его хайме.

Он помолился, а затем уселся на гладкую скалу созерцать закат, погрузившись в свои черные думы, ибо понимал, что эта ночь — последняя в этой жизни, когда он может спать спокойно. С рассветом ему придется открыть крышку эльджебиры войн, мести и ненависти, и никому вовек не дано узнать, насколько она глубока и переполнена смертью и насилием.

Он также попытался понять причины, заставившие Мубаррака нарушить самую священную туарегскую традицию, и не смог. Тот был проводником пустыни, отличным проводником, вне всякого сомнения. Но ведь проводник-туарег был обязан наниматься, только чтобы показывать дорогу караванам, выслеживать зверя или сопровождать французов в их странных экспедициях по поиску предметов, напоминавших о предках. Никогда, ни под каким видом, туарег не имел права проникать без разрешения на территорию другого имохага и уж тем более приводить иностранцев, неспособных ува-

жать древние обычаи...

Когда на рассвете Мубаррак бен-Сад открыл глаза, по его спине пробежал озноб. Страх, который вот уже несколько дней нападал на него в снах, теперь напал наяву, и он инстинктивно повернул лицо к входу шеробы, боясь обнаружить то, чего на самом деле боялся. Там, на расстоянии тридцати метров, опираясь на рукоятку своей длинной такубы²¹, воткнутой в землю, стоял Гасель Сайях, благородный имохар народа Кель-Тальгимус, и ждал его, намереваясь потребовать объяснений за его действия.

Он в свою очередь взял меч и очень медленно, держась прямо и с достоинством, пошел навстречу и остановился в пяти шагах.

– *Метулем, метулем*, – поздоровался он, прибегнув к излюбленному приветствию туарегов.

Ответа он не получил, да и не ждал его.

Чего он ждал, так это вопроса:

– Почему ты это сделал?

– Меня заставил капитан сторожевого поста в Адорас.

– Никто не может заставить туарега делать то, что он не желает...

– Вот уже три года, как я на них работаю. Я не мог отказаться. Я официальный правительственный проводник.

– Ты же, как и я, поклялся, что никогда не будешь рабо-

²¹ Меч туарегов. – *Примеч. ред.*

тать на французов...

– Французы ушли... Мы теперь – свободная страна...

Второй раз за эти дни два разных человека говорили ему одно и то же, и тут он вспомнил, что ни на офицере, ни на солдатах не было ненавистной колониальной формы. Среди них не было ни одного европейца, никто не говорил с характерным для тех сильным акцентом, а на их автомобилях не развевался извечный трехцветный флажок.

– Французы всегда уважали наши обычаи... – наконец пробормотал он, словно про себя. – Почему же их не уважают теперь, если мы вдобавок еще и свободны?

Мубаррак пожал плечами.

– Времена меняются... – сказал он.

– Но не для меня, – прозвучало в ответ. – Когда пустыня превратится в оазис, по секиям свободно потечет вода, а дождь будет обрушиваться на наши головы всякий раз, когда нам это потребуется, обычаи туарегов изменятся. Никак не раньше.

Мубаррак, сохраняя спокойствие, спросил:

– Значит ли это, что ты пришел меня убить?

– Для этого я и пришел.

Мубаррак понимающе кивнул и обвел долгим взглядом вокруг: все еще влажную землю и крохотные ростки ашеба, отчаянно проклевывающиеся среди камней и булыжников.

– Замечательный был дождь, – сказал он.

– Замечательный.

– Скоро равнина покроется цветами, и один из нас двоих не сможет этого увидеть.

– Ты должен был подумать об этом прежде, чем приводить чужаков в мой лагерь.

Губы Мубаррака под покрывалом тронула легкая улыбка.

– Но ведь тогда еще не прошел дождь, – возразил он и затем очень медленно обнажил свою такубу, освобождая вороную сталь от чехла из тисненой кожи. – Прошу, чтобы моя смерть не развязала войну между племенами, – добавил он. – Никто, кроме нас, не должен платить за наши ошибки.

– Да будет так, – ответил Гасель, наклоняясь, готовый отразить первый выпад.

Однако тот последовал не сразу, потому что ни Мубаррак, ни Гасель уже давно не сражались на мечах и копьях, а пользовались огнестрельным оружием, и длинные такубы с годами стали просто предметом украшения и обряда. Их пускали в ход по праздникам, в бескровных представлениях, во время которых больше старались произвести впечатление ударами о кожаный щит или обманным выпадом и ловким уклонением, нежели намеревались ранить.

Но сейчас здесь не было ни щитов, ни зрителей, готовых восхищаться прыжками и пируэтами, сопровождаемыми сверканием стали, которая скорее избегала, чем стремилась ранить противника. Сейчас этот самый противник размахивал оружием, готовый убить, чтобы не быть убитым.

Как отразить удар без щита? Как устоять на ногах после

прыжка назад или неверного шага, если соперник не собирается давать тебе времени, чтобы прийти в себя?

Они смотрели друг на друга, стараясь разгадать намерения противника, медленно двигаясь по кругу, в то время как из хайм начали выходить женщины, мужчины и дети. Все молча, в замешательстве смотрели на них, не желая верить в то, что они сошлись в настоящем бою.

Наконец Мубаррак отважился на первый удар, который больше напоминал робкий вопрос, продиктованный желанием выяснить, действительно ли это схватка насмерть.

Ответ заставил его отскочить назад, уклоняясь от яростного лезвия противника, сверкнувшего в каких-нибудь нескольких сантиметрах. Кровь застыла у него в жилах. Гасель Сайях, имохар грозного народа Кель-Тальгимус, хотел его убить, сомнения не было. В этом выпаде против него было столько ненависти и такое желание мести, словно незнакомцы, которым Гасель однажды предоставил кров, в действительности были его возлюбленными чадами, а он, Мубаррак бен-Сад, собственноручно их умертвил.

Но Гасель не испытывал настоящей ненависти. Он всего лишь пытался совершить правосудие и считал, что неблагородно ненавидеть туарега за то, что тот всего лишь выполнял свою работу, какой бы неправильной и недостойной уважения она ни была. Кроме того, Гасель знал, что ненависть, как и тоска, страх, любовь или любое другое глубокое чувство, — неважный спутник для обитателя пустыни. Чтобы выжить в

краю, где ему выпало родиться, необходимо сохранять великое спокойствие. Хладнокровие и самообладание всегда должны быть выше любого другого чувства, способного подтолкнуть к совершению ошибки – здесь их редко когда удастся исправить.

Сейчас Гасель осознавал, что действует как судья, а также, вероятно, как палач, и ни у того, ни у другого нет причин ненавидеть свою жертву. Сила его удара, гнев, который тот нес в себе, в действительности был не чем иным, как предупреждением, ясным ответом на вопрос, заданный ему противником.

Он предпринял новую атаку и внезапно понял, насколько неудобны его длинные одежды, объемистый тюрбан и широкое покрывало. Хайке путались у него в ногах и руках, найлы на толстой подошве из тонких полосок антилопьеи кожи скользили по острым камням, а лисам²² мешал ясно видеть и не давал легким возможности вдохнуть в себя весь кислород, который был особенно нужен в такие моменты, как этот.

Но и Мубаррак был одет подобным образом, поэтому его движения были такими же неуверенными.

Мечи разрезали воздух, яростно жужжа в утренней тишине, и какая-то беззубая старуха издала крик ужаса и стала умолять, чтобы кто-нибудь подстрелил грязного шакала, пытающегося убить ее сына.

²² Типичный головной убор туарегов. – *Примеч. ред.*

Мубаррак властно вытянул руку, и никто не пошевелился. Кодекс чести «Детей Ветра», столь отличный от мира бедуинов, «Детей облаков», основанного на предательстве и низости, требовал, чтобы столкновение между двумя воинами было честным и благородным, даже если в итоге один из них распростится с жизнью.

Мубарраку бросили открытый вызов, и он убьет открыто. Он нащупал твердую почву под ногами, набрал в грудь воздуха, издал крик и бросился вперед, на грудь врага, который отвел острие его меча сухим и жестким ударом.

Они вновь замерли, глядя друг на друга. Гасель взмахнул такубой, словно булавой, и, описав круг над головой, нанес удар сверху вниз. Любой начинающий фехтовальщик воспользовался бы этой оплошностью, чтобы проткнуть его одним ударом, но Мубаррак счел за благо отстраниться и выждать, больше полагаясь на свою силу, чем на ловкость. Он обхватил оружие обеими руками и рубанул сбоку: таким ударом можно было раскроить надвое человека и потолще Гаселя, — только вот его противник не стоял на месте и не дожидался, когда его перережут пополам. Солнце начало припекать вовсю, пот тек по их телам, увлажняя ладони, из-за чего металлические рукоятки мечей стали скользкими. Лезвия вновь взметнулись вверх. Дерущиеся изучили друг друга, разом бросились вперед, однако в последнее мгновение Гасель отклонился назад, позволив острию оружия Мубаррака разодрать ткань его хайке, царапнув грудь, и нанес про-

тивнику удар в живот, пронзив его насквозь.

Несколько мгновений Мубаррак стоял. Его удерживали главным образом меч и объятия Гаселя, а не собственные ноги, и когда тот вынул меч, разрывая его брюшную полость, он рухнул на песок, согнувшись пополам, приготовившись молча, без единой жалобы, выстрадать долгую агонию, предназначенную ему судьбой.

Через несколько мгновений – в то время, как его палач медленно направлялся, не испытывая ни счастья, ни гордости, к своему верблюду, – беззубая старуха вошла в самую большую хайму, взяла винтовку, зарядила ее, вернулась туда, где ее сын безмолвно корчился от боли, и прицелилась ему в голову.

Мубаррак открыл глаза, и она смогла прочитать в его взгляде бесконечную благодарность существа, которое она собиралась избавить от долгих безысходных страданий.

Гасель услышал выстрел в то мгновение, когда его верблюд вновь пустился в путь, но не обернулся.

Он скорее почувствовал, чем увидел, стадо антилоп вдали, и только тогда понял, что страшно проголодался.

За два предыдущих дня туарег проглотил лишь несколько горстей просяной муки и фиников, озабоченный предстоящим сражением с Мубарраком, но сейчас при одной только мысли о добром куске мяса, который медленно поджаривается на раскаленных углях, у него засосало под ложечкой.

Он медленно приблизился к краю граы²³, ведя за недоуздок верблюда, остерегаясь, чтобы ветер не отнес их запах в сторону животных, пасущихся среди невысокой и редкой растительности впадины. Вероятно, в давние времена здесь было озеро или расширенное русло какой-нибудь речушки, и в глубине все еще хранились остатки влаги.

Там и сям росли робкие тамариски и полудюжина карликовых акаций, и Гаселю было приятно осознавать, что охотничий инстинкт его опять не подвел, потому что внизу объедали ветки или спали на полуденном солнце великолепные животные с длинными рогами и красноватой шкурой, словно приглашая его выстрелить.

Он взвел курок, загнав в патронник лишь один патрон, тем самым избавляясь от искушения в случае, если промахнется в первый раз, лихорадочно пытаться выстрелить во второй, когда проворные животные бросятся бежать, высоко подпрыгивая. Гасель по опыту знал, что второй выстрел, почти наугад, редко попадает в цель. Только напрасно потратишь патрон, а в пустыне взять их негде, притом что они необходимы, как вода.

Он отпустил мехари, который тут же начал пастись, сосредоточившись исключительно на корме, свежем и аппетитном после дождя, и бесшумно двинулся вперед, почти ползком, от камня к кривому стволу куста, от небольшой дюны к кустику травы, пока не достиг подходящего места – каменного

²³ Впадина, образующаяся после дождя. – *Примеч. ред.*

бугорка. Оттуда на расстоянии меньше трехсот метров был хорошо виден стройный силуэт вожака стада.

«Когда подстрелишь самца, вскоре придет другой, молодежь, чтобы занять его место и покрывать самок, – говорил ему когда-то отец. – А вот когда убиваешь самку, ты также убиваешь ее детей и детей ее детей, которым предстоит выкормить своих детей и детей твоих детей».

Он приготовил винтовку и тщательно прицелился в переднюю лопатку, в область сердца. С такого расстояния выстрел в голову, несомненно, был бы более эффективным, но Гасель, как правоверный мусульманин, не мог есть мяса, если не забил животное, повернувшись лицом к Мекке и читая молитвы, как сказано Пророком. Если бы он убил антилопу выстрелом, ему пришлось бы от нее отказаться, и он предпочел рискнуть: пусть даже раненое животное и скроется, с пульей в легких ему все равно не уйти слишком далеко.

Самец неожиданно поднял морду, принялся к ветру и слегка насторожился. Затем – казалось, прошла целая вечность, хотя, наверно, какая-нибудь пара минут – обвел взглядом свое стадо, убедился, что опасность им не угрожает, и приготовился вернуться к прерванному занятию – объеданию тамариска.

Когда Гасель совершенно уверился в том, что не промахнется, а добыче не вздумается вдруг подпрыгнуть или рвануть с места, он мягко нажал на гашетку. Пуля вылетела с визгом, рассекая ветер, и самец упал на колени, словно ему

разом подрубил все четыре ноги или под ним, словно по волшебству, внезапно вспучилась земля.

Самки посмотрели на него без любопытства и страха, ведь звук выстрела, хоть и прогремевший на всю округу, не был связан в их представлении с опасностью и смертью. И только когда они увидели бегущего к ним человека в развевающихся одеждах, размахивающего ножом, то обратились в бегство и пропали из виду на равнине.

Гасель подошел к раненому зверю, сделавшему последнее усилие, чтобы подняться и последовать за своей семьей, однако внутри у него что-то надломилось, и тело не подчинялось приказу ума. Только лишь глаза – огромные и невинные – выражали безмерную тоску, когда туарег взял его за рога, повернул морду в сторону Мекки и перерезал горло сильным ударом своего острого кинжала.

Хлынула кровь, забрызгав сандалии и край хайке, однако Гасель не обратил на это внимания, удовлетворенный тем, что его меткость и на этот раз оказалась превосходной и он попал точно в цель.

Вечер застиг его за трапезой. Еще не успели появиться первые созвездия, а он уже спал, укрытый от ветра низким кустарником и согреваемый тлеющими углями костра.

Его разбудил хохот гиен, привлеченных мертвой антилопой. Вдобавок вокруг бродили шакалы, поэтому он раздул огонь, который отогнал их к границе теней, а затем лег на спину, глядя в небо, слушая приближающийся ветер и раз-

мышляя о том, что в этот самый день он убил человека – первый раз в жизни, а значит, жизнь уже не сможет остаться прежней.

Он не чувствовал за собой вины, ибо считал, что его дело правое, однако беспокоился о том, как бы не оказаться зачинщиком одной из тех межплеменных войн, о которых он столько слышал от старших. В подобных войнах наступал такой момент, когда никто уже не знал, по какой причине творилось убийство и кто заварил эту кашу. А туареги, те немногие имохаги, что еще бродили по пустыне, верные своим обычаям и законам, были не в том положении, чтобы уничтожать друг друга: хватало того, что им приходилось всеми силами защищаться от наступающей цивилизации.

Он вспомнил странное ощущение, охватившее его тело, когда меч мягко, почти без усилия, вошел в живот Мубаррака. Ему казалось, что он все еще слышит предсмертный хрип, вырвавшийся из горла противника в то мгновение. Когда он отдернул руку, то словно вынул приставшую к острию такубы жизнь своего врага – и почувствовал страх оттого, что, возможно, однажды ему вновь придется поднять на кого-то меч. Однако затем он вспомнил сухой щелчок выстрела, которым убили его спящего гостя, и его утешила мысль о том, что виновным в подобном преступлении не может быть прощения.

Он только сейчас открыл, что если несправедливость горька, то столь же горькой оказывается и попытка ее испра-

вить, потому что убийство Мубаррака не доставило ему ни малейшего удовольствия, лишь глубокое и гнетущее ощущение пустоты. Как и уверял его старый Суилем, месть не возвращает мертвых к жизни.

Затем он задумался, почему для туарегов всегда был так важен этот неписанный закон гостеприимства, который ставится выше всех прочих законов, включая Коран, и попытался представить, какой была бы пустыня, если бы странник не был совершенно уверен в том, что там, куда он доберется, его всегда примут, помогут и отнесутся с уважением.

Существует предание о том, что когда-то два человека так ненавидели друг друга, что один из них – тот, что слабее, – неожиданно явился в хайму своего врага с просьбой предоставить ему кров. Туарег, как того требует обычай, принял гостя, предоставил ему свою защиту, а по прошествии двух месяцев, устав терпеть его присутствие и кормить, заверил, что тот может спокойно отправляться восвояси, ибо он никогда не посягнет на его жизнь. С тех пор – а истории, похоже, уже много лет – это вошло в обычай у туарегов, которые таким способом утрясали свои разногласия и клали конец раздорам.

Как бы поступил он сам, если бы Мубаррак явился к нему в лагерь с просьбой оказать ему гостеприимство, стараясь снискать прощение за совершенную ошибку? Как знать, возможно, он поступил бы так же, как туарег из легенды, поскольку было бы нелогично совершать преступление, нака-

зывая кого-то, кто совершил точно такое же преступление.

Когда высоко-высоко над пустыней бороздят небеса реактивные самолеты, а по самым известным путям ездят грузовики, вытесняя его соплеменников в самые отдаленные районы равнины, трудно сказать, сколько времени они еще продержатся на этой равнине. Однако Гаселю было ясно, что, пока в песках, на бескрайних безжизненных плоскогорьях или среди бесконечных россыпей камней хамады²⁴ будет жить хотя бы один туарег, закон гостеприимства должен оставаться священным, ибо в противном случае ни один путник больше не рискнет пересечь пустыню.

Преступлению Мубаррака нет прощения, и он, Гасель Сайях, заставит чужаков понять, что в Сахаре следует по-прежнему соблюдать законы и обычаи его племени, потому что эти законы и обычаи соответствуют среде, без них просто-напросто невозможно выжить.

Задул ветер, а с ним наступил день. Гиены и шакалы поняли, что теперь им уж точно вряд ли удастся урвать себе кусок антилопы, и удалились, ворча и жалуясь, в свои темные норы, куда возвращались уже все ночные обитатели: длинноухий фенек, пустынная крыса, змея, заяц и лиса. Когда солнце начнет припекать, они будут спать, сохраняя силы до того момента, когда ночные тени вновь сделают переносимой жизнь в самом унылом районе планеты, потому что там, в отличие от остального мира, жизнь протекает ночью, а отдых

²⁴ Каменистая пустыня, покрытая крупными обломками камня. — *Примеч. ред.*

— днем.

Один только человек за столько веков не сумел полностью приспособиться к ночи. Вот почему, как только начало светать, Гасель разыскал своего верблюда, объедавшего ветки на расстоянии немногим больше километра, взял его за недоуздок и, не торопясь, возобновил свой путь на запад.

Сторожевой пост в Адорасе располагался в оазисе треугольной формы – немногим более сотни пальм и четыре колодца – в самом сердце обширнейшей зоны барханов и поэтому мог считаться настоящим чудом выживания: ему постоянно угрожал песок, окружавший его со всех сторон, защищая от ветра и превращая в подобие духовки, которая в полдень часто раскалялась до шестидесяти градусов.

Три дюжины солдат – весь его гарнизон – половину времени кляли судьбу в тени пальм, а другую половину – копали песок, безуспешно пытаясь заставить его отступить и освободить узкую грунтовую дорогу, позволявшую им поддерживать связь с внешним миром, раз в два месяца получая провизию и корреспонденцию.

С тех пор как тридцать лет назад одному рехнувшемуся полковнику взбрела в голову дурацкая идея о том, что армии, мол, следует взять упомянутые четыре колодца, которые, с другой стороны, были единственными существующими почти на сто километров вокруг, под свой контроль, Адорас превратился в «проклятую судьбу», сначала для колони-

альных войск, а теперь и для своих, доморощенных. Девять из могил, расположенных в дальнем конце пальмовой рощи, появились в результате естественной смерти, а шесть – самоубийства: кое-кто не вынес мысли о том, что придется и дальше выживать в этом аду.

Когда суд колебался, поставить ли преступника к стенке, приговорить к пожизненному заключению или же заменить ему наказание пятнадцатью годами принудительной службы в Адорасе, он прекрасно осознавал, что делает, даже если сам осужденный считал, что такой заменой ему хотели оказать услугу.

Для капитана Калеба эль-Фаси, начальника гарнизона и представителя высшей власти в обширной области, равной по величине половине Италии, но с населением от силы человек восемьсот, семилетнее пребывание в Адорасе служило наказанием за убийство одного юного лейтенанта, который угрожал разоблачить непорядки в полковой бухгалтерии на предыдущем месте службы капитана. Капитана приговорили к смерти, и его дядя, прославленный генерал Обейд эль-Фаси, герой борьбы за независимость, добился, благодаря тому что во время войны за освобождение племянник был одним из его адъютантов и доверенным лицом, чтобы ему позволили реабилитироваться, командуя отрядом, в который нельзя было направить другого кадрового офицера, не оказавшегося в подобном положении.

Три года назад, основываясь только на личных делах,

имевшихся в его распоряжении, капитан Каледб пришел к заключению, что личный состав его полка – это в сумме более двух десятков убийств, пятнадцать изнасилований, шестьдесят вооруженных грабежей и бессчетное количество краж, афер, дезертирств и более мелких преступлений. Поэтому, чтобы управлять таким «войском», ему пришлось призвать на помощь весь свой опыт, хитрость и способность к подавлению. Внушаемое им уважение уступало разве только уважению, которое вызывал к себе человек, бывший его правой рукой, – старший сержант Малик эль-Хайдери. Это был худощавый, малорослый субъект, хилый и болезненный с виду, но настолько жестокий, хитрый и смелый, что сумел подчинить себе весь этот сброд, пережив пять покушений и два поединка на ножах.

Малик, как правило, и был «естественной смертью» в Адорасе, а двое из самоубийц разнесли себе мозги, чтобы больше его не видеть.

И вот сейчас, сидя на вершине самого высокого бархана, господствовавшего над оазисом с восточной стороны, – это был старый гурде больше ста метров высотой, позолоченный временем и до такой степени затвердевший в самой своей сердцевине, что песок превратился в камень, – сержант Малик без особого интереса следил за тем, как его люди перекапывали песок молодых барханов, угрожавших засыпать самый дальний колодец, пока не навел бинокль на одинокого всадника, появившегося верхом на белом мехари и не спеша

прокладывавшего себе путь в направлении поста. Он спросил себя, что понадобилось туарегу в этой глуши. Вот уже шесть месяцев, как они перестали навещать колодцы в Адорасе во избежание любых контактов с его обитателями. Караваны бедуинов заворачивали сюда все реже, запасались водой, устраивали себе двухдневную передышку в самой удаленной части оазиса, стараясь спрятать женщин и не иметь никакого дела с солдатами, и вновь пускались в путь, облегченно переведя дыхание, если обошлось без осложнений. Но туареги – нет. Они, когда навещали колодцы, держались независимо, гордо, с вызовом и позволяли своим женщинам расхаживать с открытым лицом и голыми руками и ногами: им было плевать на то, что здешние мужчины годами не имели близости с женщиной и моментально хватались за винтовки и наточенные кинжалы.

Поэтому, когда в одной стычке погибли двое туарегов и трое солдат, «Дети Ветра» начали обходить сторожевой пост стороной. Однако сейчас одинокий всадник явно направлялся к нему. Он проехал по последнему гребню, вырисовываясь на фоне темнеющего неба в развевающихся на ветру одеждах, а затем углубился в пальмовую рощу и остановился около северного колодца, в сотне метров от первых барakov.

Сержант не спеша скатился с дюны, пересек лагерь и подошел к туарегу, который поил своего верблюда, способного выпить за раз сотню литров воды.

– *Аселамалейкум!*

– *Метулем, метулем*, – ответил Гасель.

– Хороший у тебя верблюд. И никак не напьется.

– Мы прибыли издалека.

– Откуда?

– С севера.

Сержанта Малика эль-Хайдери страшно раздражало туарегское покрывало, потому что он считал себя знатоком человеческой натуры и мог определить по выражению лица, когда люди говорили правду, а когда врал. Однако с туарегами такой возможности не существовало, поскольку они оставляли на виду только щель для глаз, которую нарочно прикрывали на время разговора. Голос тоже звучал искаженно, а потому оставалось только принять ответ как есть, тем более что он действительно видел, как всадник приехал с севера. Не было причин подозревать Гаселя в том, что он не поленился сделать огромный крюк и устроить так, чтобы видели, как он появляется со стороны, противоположной той, с которой на самом деле прибыл.

– Куда направляешься?

– На юг.

Туареги уже оставил верблюда, который стоял, широко раздвинув ноги, с переполненным водой брюхом, удовлетворенный и раздувшийся, и начал собирать ветки и разводить небольшой костер.

– Ты можешь поесть с солдатами, – заметил сержант.

Гасель развернул кусок ткани и показал половину антило-

пы, все еще сочную и покрытую запекшейся кровью.

– Ты можешь поесть со мной, если желаешь. В обмен на воду.

Старший сержант Малик почувствовал, как желудок свело судорогой. Вот уже больше двух недель охотникам не удавалось ничего добыть, поскольку с годами они вынудили животных покинуть окрестности, а среди солдат не было ни одного настоящего бедуина, знавшего пустыню и ее обитателей.

– Вода для всех, – возразил он. – Но я с удовольствием приму твое приглашение. Где ты ее подстрелил?

Гасель про себя усмехнулся: уж больно примитивной была ловушка.

– На севере, – ответил он.

Он уже собрал нужное количество хвороста и, усевшись на попону своего верблюда, достал кремень и трут, но тут Малик предложил ему коробку спичек.

– Используй это, – предложил он. – Так удобней. – А после махнул рукой, отказываясь взять обратно: – Оставь себе. У нас в кооперативной лавке этого полно.

Он сел напротив и наблюдал за туарегом, который нанизывал ноги антилопы на шомпол своей старой винтовки, приготовившись медленно поджаривать их на низком огне.

– Ищешь работу на юге?

– Я ищу один караван.

– Сейчас не время для караванов. Последние прошли ме-

сяц назад.

– Мой меня подождет, – загадочно ответил туарег и, увидев, что сержант смотрит на него пристально, с непониманием, продолжил в том же тоне: – Вот уже пятьдесят лет, как ждет.

Сержант, похоже, понял и посмотрел на него более внимательно.

– Большой караван! – воскликнул он наконец. – Ты собираешься искать Большой караван из легенды? Ты с ума сошел!

– Это не легенда... Мой дядя пропал вместе с ним... И я не сошел с ума. Вот мой двоюродный брат Сулейман, который целыми днями грузит кирпичи за гроши, он – да, сумасшедший.

– Ни один из тех, кто его искал, не вернулся живым.

Гасель кивнул в сторону каменных надгробий, которые можно было различить между отдельно стоящих пальм, в глубине оазиса.

– Они не мертвее вон тех... А если бы они его нашли, разбогатели бы до конца жизни...

– Но ведь «пустая земля» не отпускает назад: там нет ни воды, ни растительности, чтобы мог пастись твой верблюд, тени, чтобы укрыться, или мало-мальского ориентира, чтобы найти дорогу. Это ад!

– Мне это известно, – согласился туарег. – Я был там дважды...

– Ты был в «пустых землях»? – недоверчиво переспросил другой.

– Два раза.

Сержанту Малику не было необходимости видеть лицо туарега, чтобы понять, что тот говорит правду, и в нем зародился новый интерес. Он уже достаточно времени провел в Сахаре, чтобы по достоинству оценить человека, который побывал в «пустых землях» и вернулся. Таких людей раз-два и обчелся от Марокко до Египта, и даже Мубаррак бен-Сад, официальный проводник поста, которого он считал лучшим знатоком песчаных и каменистых пустынь, признавался, что не отважился на это.

«Но я знаю одного... – сказал он ему однажды во время длительной разведывательной экспедиции в горный массив Хуэйлы. – Я знаю одного имохара народа Кель-Тальгимус, который побывал там и вернулся...»

– Что чувствуешь там, внутри?

Гасель посмотрел на него долгим взглядом и пожал плечами:

– Ничего. Надо оставить все чувства за пределами. Надо оставить снаружи даже мысли и уподобиться камню, стараясь не делать ни одного движения, на которое расходуется вода. Даже ночью надо двигаться так же медленно, как хамелеон, и тогда, если тебе удастся стать невосприимчивым к жаре и жажде, а главное, если удастся преодолеть панику и сохранить спокойствие, у тебя есть какая-то возможность

выжить.

– А зачем тебе это было надо? Ты искал Большой караван?

– Нет. Я искал в себе то, что осталось от моих предков. Они победили «пустые земли».

– Никому не победить «пустые земли», – решительно возразил собеседник, убежденный в том, что говорит. – Доказательством служит то, что все твои предки умерли, а этим землям по-прежнему нет объяснения, как и в то время, когда их создал Аллах. – Он остановился, покачал головой и спросил, словно обращаясь к самому себе: – Почему он так поступил? Почему он, способный создавать чудесные творения, создал и эту пустыню?

В ответе туарега не было самодовольства, хотя вначале могло так показаться:

– Чтобы иметь возможность создать имохагов.

Малик улыбнулся.

– В самом деле... – согласился он. – В самом деле... – Он показал на ногу антилопы: – Я не люблю пережаренное мясо... – И добавил: – Вот так в самый раз.

Гасель отстранил шомпол от огня, снял оба куска мяса – один предложил Малику – и с помощью своего острейшего кинжала начал отрезать толстые куски от другого.

– Если когда-нибудь окажешься в трудном положении, – заметил он, – не жарь мясо. Ешь его сырым. Съешь любое животное, которое тебе попадется, и выпей его кровь. Но не двигайся. Самое главное – ни в коем случае не двигайся.

– Я это учту, – согласился сержант. – Я буду это помнить, но попрошу Аллаха, чтобы он никогда не ставил меня в подобное положение.

Они молча завершили трапезу, попили свежей воды из колюдца, потом Малик встал и с удовольствием потянулся.

– Мне надо идти, – сказал он. – Я должен отдать рапорт капитану и проверить, все ли в порядке. Сколько времени ты здесь пробудешь?

Гасель пожал плечами в знак того, что не знает.

– Понимаю. Оставайся здесь, сколько захочешь, но не подходи к баракам. У часовых есть приказ стрелять на поражение.

– Почему?

Сержант Малик эль-Хайдери загадочно улыбнулся и кивком указал на самую дальнюю деревянную постройку.

– У капитана не так много друзей, – пояснил он. – Ни у него, ни у меня их нет, но я-то умею за себя постоять.

Он удалился, когда тени уже заскользили по оазису, зацепившись за стволы пальм, и голоса зазвучали явственнее. Солдаты возвращались с лопатой на плече, усталые и потные, мечтая поесть и добраться до тюфяка, который на какие-то несколько часов унесет их в мир снов, прочь из ада Адораса.

Сумерек почти не было. Небо окрасилось, почти без перехода, из красного в черное, и вскоре в бунгало зажглись карбидные огни.

Только в жилище капитана имелись ставни, не позволявшие увидеть, что происходит внутри. Еще до того, как окончательно стемнело, явился часовой, который заступил на пост и замер с оружием в руках менее чем в двадцати метрах от двери.

Спустя полчаса эта самая дверь открылась, и в проеме возникла высокая и крепкая фигура. Гаселю не надо было различать звезды на форме, чтобы узнать человека, убившего его гостя. Он видел, как тот неподвижно стоял несколько секунд, вдыхая полной грудью ночной воздух, и зажег сигарету. Свет спички вызвал в его памяти каждую черту лица и стальной презрительный блеск глаз в тот момент, когда капитан говорил, что он и есть закон. Он почувствовал искушение взвести курок и одним выстрелом покончить с ним. С такого близкого расстояния фигура четко выделялась на фоне дверного проема, туарег чувствовал, что сможет влить убийце пулю в голову, заодно погасив сигарету во рту, но не сделал этого. Ограничился тем, что наблюдал за ним с расстояния менее ста метров, с удовольствием представляя себе, что подумал бы этот человек, если бы обнаружил, что туарег, которого он оскорбил и облил презрением, сидит здесь, напротив, прислонившись к пальме, и размышляет о том, как лучше поступить – убить его сейчас или немного погодя.

Для всех этих городских жителей, заброшенных в пустыню, которую они никогда не научатся любить и которую на

самом деле ненавидят, мечтая любой ценой вырваться из нее, они, туареги, были всего лишь частью пейзажа. Чужаки были неспособны отличить одного от другого, так же как неспособны заметить разницу между двумя длинными барханами сиф, с гребнем в форме сабли, даже если те находились на расстоянии более чем наполовину дневного перехода друг от друга.

У них не было понятия ни о времени, ни о пространстве, ни о запахах и красках пустыни. Они не имели представления о том, что разделяет воина «Народа Покрывала» и имохага «Народа Меча», имохара и раба или настоящую туарегскую женщину, свободную и сильную, и бедную бедуинку, бывшую рабыней в гареме.

Он мог бы подойти к нему, поговорить с ним полчаса о ночи и звездах, о ветрах и газелях, и тот бы не узнал в нем проклятого вонючего оборванца, которого пробовал осадить пять дней назад. Французы много лет тщетно пытались заставить туарегов открыть лицо.

В конце концов, убедившись в том, что жители пустыни никогда не откажутся от покрывала, они, вероятно, пришли к выводу, что никогда не смогут отличать их друг от друга по голосу или по жестам, и махнули на это дело рукой.

Ни Малик, ни офицер, ни все те солдаты, что перекапывали песок, не были французами, но их роднили невежество и презрение к пустыне и ее обитателям.

Выкурив сигарету, капитан швырнул окурок в песок, хму-

ро кивнул часовому и закрыл дверь, из-за которой слышался лязг задвигаемого засова. Огни постепенно гасли, и лагерь с оазисом погрузился в безмолвие. Тишину нарушал только шелест пальмовых «плюмажей», теребимых легким бризом, да далекий вой голодного шакала.

Гасель завернулся в попону, прислонился головой к седлу, бросил последний взгляд на бараки и на машины, выстроившиеся в ряд под навесом гаража, и заснул.

Рассвет застиг его на вершине самой усыпанной плодами пальмы: он сбрасывал на землю тяжелые гроздья спелых фиников. Туарег наполнил ими мешок. Также он наполнил водой свои гербы и оседлал мехари, который шумно запротестовал, желая дольше пробыть в тени, вблизи колодца.

Начали появляться солдаты. Они мочились на барханы или умывались у водопойного желоба самого большого колодца. Сержант Малик эль-Хайдери тоже покинул свое жилище и приблизился к Гаселю быстрым и уверенным шагом.

– Уезжаешь? – спросил он, хотя ответ был совершенно очевиден. – Я думал, ты останешься передохнуть на пару дней.

– Я не устал.

– Вижу. И мне жаль. Иногда бывает приятно поговорить с кем-то из посторонних. У этого отребья на уме одно только воровство или женщины.

Гасель не ответил, занятый закреплением поклажи: из-за покачивания верблюда она может оказаться на земле через

пятьсот метров. Малик помог ему, встав с другого бока, и при этом спросил:

– Если бы капитан разрешил, ты бы взял меня с собой на поиски Большого каравана?

Туарег отрицательно покачал головой:

– В «пустой земле» тебе не место. Только мы, имохаги, можем проникать вглубь ее территории.

– Я бы дал трех верблюдов. Мы бы могли взять с собой больше воды и провизии. В этом караване денег более чем достаточно, хватит на всех. Я бы часть отдал капитану, остальные потратил на перевод в другое место, и у меня еще осталось бы на то, чтобы прожить остаток жизни. Возьми меня с собой!

– Нет.

Старший сержант Малик не стал настаивать. Он медленно обвел взглядом пальмы, бараки и барханы, замкнувшие пространство со всех четырех сторон, превратив пост в тюрьму, в которой засовы заменяли высокие горы песка, угрожавшие раз и навсегда похоронить их всех под собой.

– Проторчать здесь еще одиннадцать лет! – проговорил он, словно разговаривая с самим собой. – Если удастся выжить, я уеду отсюда стариком, а ведь мне отказано даже в праве на отставку и пенсию. Куда я пойду? – Он вновь повернулся к туарегу: – Так не лучше ли с достоинством умереть в пустыне, лелея надежду на то, что неожиданный поворот судьбы смог бы все изменить?

– Может быть.

– Ведь именно это ты собираешься попробовать сделать, верно? Ты предпочитаешь рискнуть, а не прозябать, переносить кирпичи с места на место.

– Я туарег. Ты – нет...

– Да провались ты в тартарары со своей проклятой туарегской спесью! – угрюмо проговорил сержант. – Ты что, считаешь себя лучше других, потому что с детства умеешь переносить жару и жажду? Мне вот пришлось переносить этих сукиных детей, поверь мне, еще неизвестно, что хуже. Уезжай! Когда я захочу отправиться на поиски Большого каравана, я сделаю это сам. Обойдусь без тебя.

Гасель усмехнулся под покрывалом (собеседник не мог этого видеть), заставил верблюда встать на ноги и неторопливо удалился, правя им с помощью недоуздка.

Сержант Малик эль-Хайдери проводил его взглядом, пока путник не скрылся в лабиринте проходов, оставленных барханами между собой, южнее грунтовой дороги, и затем задумчиво повернул к самому большому из барачков.

Капитан Калед эль-Фаси всегда спал до тех пор, пока солнце не начинало нагревать крышу его бунгало. Это всегда происходило после девяти утра, хотя он и приказал построить его под сенью пальм – в том месте, где деревья росли настолько тесно, что капитана часто будил стук падающих фиников об оцинкованную кровлю.

В это время он молился, отойдя на два метра от двери, и обливался водой у главного колодца, куда приходил сержант Малик с рапортом о происшествиях, хотя, правду сказать, происшествий-то особых, как правило, не было.

Однако в это утро его подчиненному, явившемуся в каком-то приподнятом настроении, что было для него совсем несвойственно, явно хотелось поговорить.

– Туарег отправился на поиски Большого каравана, – объявил он.

Капитан смотрел на сержанта несколько секунд, ожидая, что тот скажет что-то еще, и, не дождавшись, вопросительно произнес:

– И?..

– Я попросил его взять меня с собой, но он не захотел.

– Значит, он не настолько безумен, как можно было подумать. С каких это пор тебя интересует Большой караван?

– С тех пор, как о нем услышал. Говорят, товаров там было больше чем на десять миллионов тогдашних франков. Сегодня его слоновая кость и драгоценности стоили бы в три раза дороже.

– Немало народу погналось за этой мечтой и погибло.

– Всякие там авантюристы, не организовавшие как следует экспедицию – с привлечением необходимых средств и материально-техническим обеспечением.

Капитан Калев эль-Фаси устремил на него долгий взгляд, в котором читался суровый упрек.

– Так ты намекаешь на то, что я должен бросить материальные средства и личный состав на поиски этого каравана? – спросил он с притворным удивлением.

– Почему бы и нет? – самоуверенно заявил сержант. – Нас то и дело отправляют в бессмысленные экспедиции: на поиски новых колодцев, никому не нужных камней или на перепись племен. Как-то раз инженеры не отпускали нас шесть месяцев, пытаясь найти нефть.

– И ведь нашли.

– Да, но что мы с этого имели? Измотались, нажили себе лишние заботы, люди совсем падали с ног, а троих вообще разнесло на куски в джипе, начиненном динамитом.

– Мы получали приказы свыше.

– Да знаю. Но ведь вы обладаете достаточными полномочиями, чтобы послать меня на любое задание. Например, на учения по выживанию в «пустых землях». Представьте себе, вдруг мы вернемся с целым состоянием! Половина – армии, половина – нам и солдатам. Разве вы не думаете, что, если по-умному все распределить, это смягчило бы нрав некоторых генералов?

Его начальник ответил не сразу. Он опустил голову в воду и постоял так несколько мгновений, возможно собираясь с мыслями. Подняв ее снова, сказал, не глядя на сержанта:

– Я мог бы арестовать тебя за то, что ты мне предлагаешь.

– А что вы от этого выиграете? Если уж на то пошло, какая разница – сидеть в карцере или оставаться здесь, снаружи?

Немного жарче, и все. Менее жарко, конечно, чем в «пустой земле».

– Ты до такой степени потерял голову?

– Так же, как и вы. Если мы ничего не предпримем, то никогда отсюда не выйдем, и вы это знаете. Однажды кто-нибудь из этих сукиных детей впадет в безумие и начнет палить по нам.

– До сих пор мы с ними справлялись.

– И это большая удача, – согласился щедущий сержант. – Но сколько нам будет везти? Скоро мы постареем, растратим энергию, и нас сожрут.

Капитан Калев эль-Фаси, начальник богом забытого сторожевого поста в Адорасе – «Заднице Дьявола», как называли это место в армии, – задрал голову и долго смотрел на пальмы, которые не мог растормошить даже порыв ветра, и на небо голубого, почти белого цвета.

Он подумал о своей семье: о жене, которая подала на развод и получила его на основе приговора, о детях, которые ни разу ему не написали, о своих друзьях и товарищах, стерших его имя из памяти, хотя в течение многих лет они перевозносили его за щедрость, и об этой банде воров, убийц и наркоманов, которые его смертельно ненавидят и, стоит только зазеваться, тут же всадят штык в спину или подложат в койку ручную гранату.

– Что тебе потребовалось бы? – спросил он, не оборачиваясь, стараясь, чтобы в голосе не прозвучало ни малейшего

намека на обещание.

– Грузовик, джип и пятеро солдат. Я также возьму с собой Мубаррака бен-Сада, туарегского проводника. И мне понадобятся верблюды.

– Сколько времени?

– Четыре месяца. Но мы бы поддерживали связь по радио раз в неделю.

Вот теперь Калерб эль-Фаси взглянул на сержанта в упор:

– Я не могу никого заставить тебя сопровождать. Если ты не вернешься и об этом станет известно, мне не сносить головы.

– Я знаю тех, кто охотно согласится и не будет трепаться. Оставшиеся не должны ни о чем знать.

Капитан медленно вылез из воды, облачился в широкие шорты, сунул ноги в найлы, позволяя горячему воздуху обсушить тело, и с сомнением покачал головой.

– Думаю, ты свихнулся, как этот туарег, – заметил он. – Но может быть, ты прав, и это лучше, чем сидеть здесь в ожидании смерти. – Он помолчал. – Нам следовало бы придумать толковое обоснование столь длительного путешествия. – Он улыбнулся. – На случай, если ты не вернешься.

Малик ухмыльнулся, довольный победой, хотя с самого начала был уверен в успехе. С того самого момента, когда рано утром туарег исчез из виду между барханами, сержант размышлял о том, как ему изложить свой план, и чем больше размышлял, тем явственнее осознавал, что добьется раз-

решения.

Они зашагали к канцелярскому барaku, и Малик с легкой улыбкой заметил:

– Я уже подумал об этом. – Капитан остановился и посмотрел на него. – Рабы.

– Рабы?

– Туарег, который уехал сегодня утром, вполне мог обмолвиться, что слышал, будто караваны работоторговцев вступили на нашу территорию. Торговля рабами вновь достигла угрожающих размеров.

– Знаю. Но ведь они направляются к Красному морю и в страны, где все еще признают рабство.

– Верно, – согласился Малик. – Но кто помешает нам предпринять попытку проверить сообщение, а потом признать, что тревога, мол, оказалась ложной? – Он иронично улыбнулся. – Скорее всего, им придется похвалить нас за рвение и самопожертвование.

Они вошли в канцелярский барак, в котором была всего-навсего одна просторная комната с двумя столами. В эти утренние часы она уже успела прогреться. Капитан тут же направился к большой карте района, занимавшей всю стену в глубине помещения.

– Иногда я спрашиваю себя, как это только тебя сцапали, чтобы сунуть в эту дыру? Ведь ты такой ушлый. Где собираешься искать?

Малик решительно ткнул в огромное желтое пятно, в цен-

тре которого имелось абсолютно белое пространство – ни одного обозначения дороги, верблюжьей тропы, колодца или населенного пункта.

– Вот тут, в самом центре Тикдабры. По идее, караван должен был оставить Тикдабру на севере, обогнув ее. Но если они сбились с пути, зайдя вглубь барханов, то должны были попасть в этот район «пустой земли», когда поворачивать назад было уже слишком поздно. И тогда, вероятно, им не оставалось ничего другого, как попытаться добраться до колодцев Мулей эль-Акбара, и они не добрались.

– Это всего лишь предположение. Точно так же они могут оказаться в другом месте.

– Возможно. Но их нигде нет, – заметил он. – Район южнее Тикдабры прочесывают уже не один год. И восточнее, и западнее. Однако никто так и не рискнул сунуться в самую Тикдабру. По крайней мере, те, кто на это отважился, так и не вернулись.

Капитан прикинул:

– Более пятисот километров в длину и триста в ширину по барханам и равнинам. У тебя больше шансов обнаружить белую блоху в стаде мехари.

Ответ был краток:

– У меня есть одиннадцать лет, чтобы заниматься поисками.

Капитан сел в свое разваливающееся кресло, обитое газельей шкурой, поискал сигарету, не спеша зажег ее и стал вни-

мательно изучать карту, которую знал как свои пять пальцев, поскольку, когда он сюда прибыл, она уже висела на стене. Он хорошо представлял себе, что такое пустыня, и ему было прекрасно известно, что значило проникнуть вглубь такого эрга, как Тикдабра, образованного непрерывно сменяющимися друг друга высочайшими барханами, простирающимися, словно гигантские морские волны, которые защищали огромную бескрайнюю равнину.

– Даже ящерица не может там выжить, – проговорил он наконец. – Если кто-то с тобой отправится, считай, он уже впал в безумие, и ты сделаешь мне одолжение, избавив меня от него. – Он открыл небольшой сейф, вделанный в пол и спрятанный под досками рядом с его столом, пересчитал лежавшие там деньги и покачал головой. – Придется тебе реквизировать верблюдов у бедуинских племен, – заметил он. – У меня нет денег, а наших я тебе не дам.

– Мубаррак поможет мне их достать. – Сержант направился к двери. – Если позволите, я переговорю со своими людьми.

Капитан взмахом руки ответил на его приветствие, вновь запер сейф и откинулся в кресле, положив ноги на стол, устремив взгляд на карту. На губах его застыла легкая улыбка: он был доволен, что принял предложение. В случае неудачи он потеряет шесть человек, туарегского проводника и две автомашины. Однако никто не потребует от него отчета за происшествие, которое в здешних краях было в какой-то

степени рядовым. Много патрулей так безвозвратно и исчезло, потому что достаточно ошибки проводника, неисправности в моторе или лопнувшей оси, чтобы обычная вылазка обернулась трагедией, безвыходной ситуацией. Собственно, в этом и заключался расчет, когда в Адорас отправляли весь этот сброд из казарм и тюрем страны. По идее, ни одному из его подчиненных не суждено вернуться в цивилизацию живым, поскольку общество не желало принимать их обратно в свое лоно, отторгнув их навсегда. А значит, никому нет дела до того, поубивают ли они друг друга, унесет ли их лихорадка, сгинут ли они в ходе обычного дозора или исчезнут во время поисков мифического сокровища.

Большой караван был где-то там, на юге, в этом все сходилось во мнении. Он не мог улетучиться, а его самый ценный груз не испортится годами, даже веками. Малая толика этого груза позволила бы капитану Калербу эль-Фаси навсегда покинуть Адорас и вновь обосноваться во Франции, в тех самых Каннах, где в отеле «Мажестик» он провел самые упоительные дни своей жизни – в компании прелестной продавщицы одного бутика на Рю-де-Антиб. Ей не один год придется ждать, когда он наконец выполнит обещание к ней вернуться.

В полдень они открывали огромные окна, которые выходили на бассейн, Ля-Круазетт и пляж, и до самого вечера предавались любви, не теряя море из виду. Затем шли ужинать в «Мулен-де-Мужан», «Оазис» или «У Феликса» и за-

канчивали вечер в казино, поставив все на номер восемь.

Дорого же ему приходится расплачиваться за те дни. Слишком уж высока цена, на его взгляд. А самое худшее заключалось скорее не в пустыне как таковой, жаре и однообразии, а в воспоминаниях и уверенности в том, что, если однажды ему и удастся вырваться живым из Адораса, он уже будет не в состоянии вновь насладиться отелями, ресторанами или девушками в Каннах.

Он сидел, предаваясь воспоминаниям, не обращая внимания на пот, который начал скатываться по всему телу, по мере того как душная жара овладевала лагерем. Дождлся, когда денщик принес поднос с неизменным отвратительным жирным кускусом, и без аппетита съел его, запивая мелкими глотками теплой, мутной и слегка солоноватой воды, к которой так и не смог привыкнуть. Она по-прежнему вызывала у него понос, притом что он пил ее все эти годы.

Затем, когда солнце встало прямо над головой, в зените, подавляя все живое – даже мухи не летали, – он медленно пересек пустынную пальмовую рощу и снова укрылся в своем бунгало, на сей раз оставив двери и окна распахнутыми настежь в попытке воспользоваться малейшим дуновением ветерка.

Наступил час гайлы, священной сиесты в пустыне, ибо на те четыре часа, когда пекло особенно немилосердно, людям и даже животным следовало замереть в тени, если они не хотели подвергнуть себя риску обезвоживания организма или

получить солнечный удар.

Солдаты в бараках уже спали. Один только часовой стоял на посту, укрывшись под навесом, стараясь изо всех сил – зачастую безуспешно – прикрыть глаза ровно настолько, чтобы не начать клевать носом, но так, чтобы сияние белых барханов под лучами солнца не вызвало мгновенную слепоту.

Спустя час можно было бы подумать, что на сторожевом посту в Адорасе все вымерли. Столбик термометра в тени (на солнце он, скорее всего, лопнул бы) угрожал приблизиться к пятидесятиградусной отметке, и «плюмажи» пальм в отсутствие ветра застыли так неподвижно, что казались не настоящими, а всего лишь нарисованными на небе.

Сморенные зноем солдаты храпели – с открытыми ртами, потными лицами, растрепанными волосами, застыв в изломанных позах, словно безжизненные куклы, неспособные даже отогнать мух, которые в поисках хоть какой-то влаги садились им прямо на язык. Кто-то во сне что-то быстро пробормотал вслух. Проснулся капрал, таращась от испуга: в течение нескольких тоскливых секунд ему казалось, что он задыхается, так как воздух перестал поступать в легкие.

Худой – кожа да кости – негр, бодрствовавший в своем углу, не сводил с капрала глаз, пока тот не утомился. Потом он тоже закрыл глаза, но так и не заснул, поскольку ум его пребывал во взбудораженном состоянии с того самого момента, как старший сержант по секрету сообщил ему, что через четыре дня они отправятся в сумасшедшее приключе-

ние: проникнут вглубь самой что ни на есть суровой земли в поисках пропавшего каравана.

Быть может, им не суждено вернуться живыми, но все равно это лучше, чем изо дня в день перелопачивать песок, пока другим не придется засыпать песком твое брненное тело.

Капитан Калев эль-Фаси тоже слегка похрапывал у себя в бунгало. Ему, наверное, снился пропавший караван вместе с сокровищами. Сон был настолько глубок, что он не почувствовал, как в дверном проеме на мгновение возникла высокая тень, которая затем бесшумно скользнула к кровати, прислонив к стене, рядом с собой, старую и тяжелую винтовку – память о том времени, когда сенусси²⁵ взбунтовались против французов и итальянцев. Острие длинного, остро на точенного кинжала медленно вошло чуть ниже подбородка капитана.

Гасель Сайях присел на край тюфяка и слегка надавил на кинжал, в то время как его рука с силой прижалась ко рту спящего.

Правая рука капитана автоматически потянулась к револьверу, который он все время оставлял на полу рядом с изголовьем, однако туареги мягко отшвырнул оружие ногой и одновременно склонился над капитаном еще ниже.

И хрипло прошептал:

– Крикнешь – я перережу тебе горло. Понятно?

²⁵ Местное племя. – *Примеч. Ред.*

Он подождал, когда глаза капитана подтвердят: да, понятно, – а затем очень медленно позволил ему вздохнуть, не переставая надавливать на кинжал. По шее замершего от ужаса капитана заструилась тонкая струйка крови и вскоре смешалась с потом, выступившим у него на груди.

– Знаешь, кто я?

Тот кивнул головой.

– Почему ты убил моего гостя?

Тот сглотнул слюну. Наконец с усилием и почти беззвучно проговорил:

– Таков был приказ. Строжайший приказ. Молодой должен был умереть. Второй – нет.

– Почему?

– Не знаю.

– Почему? – настаивал туарег.

– Не знаю, клянусь тебе... – Капитан почти что всхлипнул. – Мне отдают приказы, а я должен подчиняться. Я не могу отказаться.

– Кто отдал тебе такой приказ?

– Губернатор провинции.

– Как его зовут?

– Хасан бен-Куфра.

– Где он живет?

– В Эль-Акабе.

– А другой... Старик? Где он сейчас?

– Откуда мне знать? Его увезли, и на этом все кончилось.

– Почему?

Капитан Каледб эль-Фаси не ответил. Возможно, понял, что и так уже наговорил лишнего, возможно, устал от игры, возможно, действительно не знал точного ответа. Он отчаянно пытался сообразить, как избавиться от непрошеного гостя, в глазах которого читалась глубокая решимость, и спрашивал себя, чем заняты его люди и какого черта они не приходят ему на помощь.

Туарег стал проявлять нетерпение. Он еще глубже вонзил кинжал, а левой рукой сдавил капитану горло, не дав вырваться крику боли.

– Кто такой этот старик? – не унимался Гасель. – Почему его увели?

– Это Абдуль эль-Кебир.

Капитан произнес это имя таким тоном, будто этим уже все сказано, но тут же понял, что незваному гостю оно ни о чем не говорит и тот ждет дальнейших разъяснений.

– Ты не знаешь, кто такой Абдуль эль-Кебир?

– Никогда о нем не слышал.

– Это убийца. Грязный убийца, а ты ради него рискуешь жизнью.

– Он был моим гостем.

– От этого он не перестает быть убийцей.

– Даже будучи убийцей, он не перестает быть моим гостем. Только у меня было право судить.

Гасель повернул запястье и одним движением перерезал

капитану горло.

Туарег подождал, пока длилась короткая агония, вытер руки о грязную простыню, подобрал револьвер и винтовку и приблизился к двери, откуда выглянул наружу.

Часовой был все так же погружен в глубокий сон, ни ветер, ни веяние жизни не тревожили пальмовую рощу. Он заскользил от ствола к стволу, пока не добрался до барханов и ловко вскарабкался наверх.

Спустя пять минут он исчез из виду, словно проглоченный песком.

Ближе к вечеру помощник капитана обнаружил труп.

Он был на грани истерики, и его вопли разнеслись по всему оазису. В результате люди побросали лопаты и бросились на крик. Они битком набились в небольшое бунгало, и старшему сержанту пришлось выталкивать их взащей.

Оставшись наконец один на один с трупом и лужей крови, покрытой мухами, он сел на табурет и проклял свою судьбу. Сукин сын, который это сделал, мог бы подождать четыре дня.

Он не испытывал ни скорби, ни малейшего сочувствия к другому сукиному сыну, самому сукиному сыну из всех, который лежал перед ним, хотя они и прожили бок о бок столько лет в аду и он был единственным, с кем сержант все это время худо-бедно общался. Ему прекрасно известно, что капитан Калёб эль-Фаси заслуживал смерти, но он не желал,

чтобы это произошло здесь и именно сейчас.

Теперь им пришлют нового командира, не лучше и не хуже, просто другого, и пройдет, возможно, несколько лет, прежде чем он узнает его как следует, нащупает его слабые места и сможет управлять им так же, как управлял покойным.

Его также беспокоил вопрос о передаче дела следственной комиссии, поскольку даже он сам, знавший их лучше кого бы то ни было, не чувствовал себя способным вычислить убийцу среди этой шайки убийц, которые ждали, возбужденно галдя, в пяти метрах от двери.

Все казались ему виновными, и вскоре он осознал, что даже он сам может оказаться в числе подозреваемых, так как имел те же мотивы, что и любой другой, желая смерти человеку, который успел попортить кровь всякому, кто служил под его началом.

Следовало, пока не поздно, найти настоящего убийцу и передать комиссии готовое дело, если он хочет избежать неприятностей.

Он закрыл глаза, мысленно перебрал одно за другим лица всех своих подчиненных, в поисках подозреваемых, и ощутил, как им овладело глубокое уныние. Сержант не насчитал и дюжины тех, кого можно было бы вычеркнуть из списка как невиновных. Любой из его подчиненных испытал бы глубокое чувство удовольствия, перерезая глотку своему начальнику.

– Мулай! – проревел старший сержант.

Тут же явился огромный хмурый детина и неподвижно застыл у дверного косяка – бледный, осунувшийся, почти дрожащий.

– Да, мой сержант, – с усилием проговорил он.

– Это ведь ты стоял на карауле, верно?

– Так точно, мой сержант.

– И никого не видел?

– Думаю, я в какой-то момент задремал, мой сержант. – Великан едва ли не всхлипывал. – Кто бы мог подумать, что середь бела дня...

– Ты, разумеется, нет. А вот что случится наверняка, так это то, что в результате ты окажешься перед расстрельной командой. Если не обнаружится виновный, отвечать будешь ты.

Великан сглотнул слюну, с трудом перевел дыхание и умоляюще вытянул руки:

– Но ведь это был не я, мой сержант. Зачем мне было это делать? Через четыре дня мы бы все равно уехали на поиски каравана.

– Если ты еще раз заикнешься о караване, я лично позабочусь о том, чтобы тебя расстреляли. И отрешусь от того, что когда-либо говорил тебе о нем. Подумай: твое слово против моего.

– Понял, мой сержант, – извинился Мулай. – Это не повторится. Я только хочу, чтобы вы поняли, что я был одним

из немногих, кто желал ему здравствовать.

Старший сержант Малик эль-Хайдери встал, взял со стола пачку сигарет покойного и зажег одну сигарету, воспользовавшись тяжелой серебряной зажигалкой, которую преспокойно сунул себе в карман.

– Я это понимаю, – согласился он. – Я это очень хорошо понимаю, но я также понимаю, что ты стоял на карауле – и знал, что обязан стрелять при чем-либо приближении к барaku. Проклятие! Если я найду того, кто это сделал, клянусь тебе: сдеру с него шкуру живьем!

Он в последний раз посмотрел на труп, вышел из бунгало и остановился в тени навеса, обведя взглядом одно за другим лица присутствующих. Здесь были все.

– Слушайте хорошенько! – сказал он. – Мы должны разобраться с этим делом сами, если не хотим, чтобы к нам прислали кучу офицеров, которые еще больше осложнят нам жизнь. Мулай стоял на карауле, но, думаю, это был не он.

Остальные, как можно предположить, спали в бараке. Кого там не было и почему?

Солдаты переглядывались между собой, словно подозревали друг друга, хорошо понимая серьезность проблемы и опасаясь возможного приезда следственной комиссии.

Наконец первый капрал робко заметил:

– Я не помню, чтобы кто-то отсутствовал, сержант. Стояла невыносимая жара.

Если бы кто-то в такую жару оставался снаружи, это вы-

глядело бы странно.

Послышалось дружное одобрительное бормотание.

Сержант несколько мгновений размышлял:

– Кто выходил в уборную?

Трое подняли руки.

Один из них возразил:

– Я пробыл там меньше двух минут. Вот он видел меня, а я видел его.

Сержант повернулся к третьему:

– А тебя кто-нибудь видел?

Тощий негр протиснулся вперед:

– Я. Он дошел до барханов и вернулся, никуда не сворачивая. Я также видел и этих двоих... Я не спал и могу с уверенностью сказать, сержант, что никто не покидал барак больше чем на три минуты. Единственный, кто находился за его пределами, это Мулай. – Он сделал паузу и как бы между прочим добавил: – Ну и вы, естественно.

Старший сержант сердито дернулся, на какую-то долю секунды потерял самообладание и почувствовал, как его прошиб холодный пот. Он повернулся к Мулаю, который стоял, не шелохнувшись, возле двери, и испепелил его взглядом.

– Ну, коли это не был кто-то из них... и не я... и на сто километров вокруг нет ни души, сдаюсь мне, что придется тебе... – Он осекся, потому что неожиданно у него в мозгу вспыхнул свет, и изверг проклятие, которое одновременно было почти что криком радости: – Туарег! Черт побери! Ту-

арег! Капрал!

– Слушаю, мой сержант.

– Что ты мне рассказывал о туареге, который не хотел, чтобы вы заходили в его лагерь? Ты помнишь этого типа?

Капрал пожал плечами, выражая сомнение:

– Все туареги одинаковы, когда носят покрывало, мой сержант.

– Но это мог быть тот, который останавливался здесь вчера?

Вместо капрала ответил тощий негр:

– Мог, мой сержант. Я тоже был там. Он был высокий, худой, в синей гандуре²⁶ без рукавов поверх другой, белой, и небольшим мешочком или амулетом из красной кожи на шее.

Сержант жестом остановил его, и, можно сказать, вздох облегчения вырвался у него из самой глубины груди.

– Это он, вне всякого сомнения, – сказал он. – Этот сукин сын имел наглость пробраться сюда и перерезать горло капитану у нас под носом. Капрал! Посади под замок Мулая. Если он сбежит, я прикажу тебя расстрелять. Затем соедини меня со столицей. Али!

– Здесь, мой сержант, – отозвался негр.

– Подготовь все машины... Максимальный запас воды, горючего и провизии. Мы отыщем эту сволочь, даже если он

²⁶ Шелковая или шерстяная туника, которую алжирские арабы носят под бурнусом. – *Примеч. ред.*

укроется в самой преисподней.

Спустя полчаса сторожевой пост в Адорасе пришел в бурное движение, которого он не помнил со времени основания или же с тех пор, когда сюда заходили большие караваны с юга.

Он не останавливался всю ночь, правя верблюдом с помощью недоуздка, освещаемый робкой луной и мириадами звезд, которые позволяли ему распознавать очертания барханов и извилистый контур проходов между ними – гаси²⁷: причудливые дороги, прочерченные ветром, которые, впрочем, время от времени резко обрывались, вынуждая его начинать мучительное восхождение по сыпучему песку. Он шел, падая, тяжело дыша и таща за собой верблюда, яростно протестовавшего против подобного напряжения и столь утомительного перехода в то время, когда, по идее, ему полагалось отдыхать и тихо-мирно пастись на равнине.

Однако отдых длился всего несколько минут, наконец они добрались до эрга, который широко, без конца и без края, раскинулся перед ними: лишенная горизонта равнина, состоящая из миллиардов черных камней, расколотых солнцем, и крупнозернистого песка, чуть ли не гравия, который ветру удавалось сдвинуть с места лишь тогда, когда он впадал в неистовство во время сильной бури.

Гасель знал, что отныне не встретит по дороге ни клоч-

²⁷ Галечниково-глинистые проходы. – *Примеч. ред.*

ка травы, ни грады, ни хотя бы сухого русла старой реки – ничего из того, что часто попадалось ему на пути, когда он пересекал хамаду. Разве что солончаковая впадина с обрывистыми краями нарушит однообразие пейзажа, в котором всадника видно так же хорошо, как развевающийся красный флаг на макушке ракитника.

Однако Гасель также знал, что на такой местности ни один верблюд не в состоянии соперничать с его мехари. Из-за неисчислимого множества колющих и режущих камней почти в полметра высотой она представляла собой почти непреодолимое препятствие для механических средств передвижения.

Или он сильно ошибается, или солдаты, если отправятся за ним в погоню, сделают это на джипах и грузовиках, поскольку они не привыкли совершать долгие переходы и целыми днями раскачиваться на спине верблюда.

Рассвет застал его уже очень далеко от барханов, которые казались всего лишь легкой и извилистой линией на горизонте. По его расчетам, в это время солдаты пришли в движение. Им потребуется по крайней мере два часа, чтобы преодолеть тот путь, который он проделал по песку, пока не добрался до равнины, значительно восточнее той точки, в которой он сейчас находился. Даже если предположить, что одна из машин направится прямо к эргу, она достигнет его края, лишь когда утро будет уже в самом разгаре и солнце поднимется высоко. Значит, он располагал немалым запасом времени, а

потому он остановился, разжег небольшой костер, на котором поджарил последние куски антилопы (мясо уже начало портиться), прочитал утренние молитвы, повернувшись лицом к Мекке, на восток, откуда должны были появиться его враги, и хорошенько засыпал песком следы костра. Туареги с аппетитом поел, схватил недоуздок верблюда и снова пустился в путь, когда солнце начало припекать ему спину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.